

A woman with dark, wet hair, wearing a brown raincoat, is looking down at a small tabby kitten. The kitten is sitting on a ledge, looking up at the woman. The background is a blurred view of rain falling. The text is overlaid on the image.

Матвей Калинин
**Дневник,
завязанный
шарфом**

Матвей Калинин

Дневник, завязанный шарфом

«Автор»

2026

Калинин М.

Дневник, завязанный шарфом / М. Калинин — «Автор», 2026

Книга рассказывает о девушке и её повседневной жизни, но в один момент все меняется когда в дождь она находит и спасает котенка, помимо этого в дневнике она замечает странную деталь. В книге сохраняется оригинальный текст

© Калинин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Прогулка	5
Загодочный обрывок.	6
Каробка.	16
Память и фотоальбом	24
Выступления.	36
Сон и незаметная детель	42
Отчий дом и ответы	46
Спустя время	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Матвей Калинин

Дневник, завязанный шарфом

Прогулка

Яркое солнце отражалось от луж. Небо было чистейше голубым, да таким, что в нем хотелось плавать, а на белых облаках лежать. Девушка по имени Эмили в своем бесподобном виде шла. Темные распущенные волосы до плеч. Серые джинсы, черные, слегка высокие ботинки и черное высокое пальто. Самой милой чертой внешности была пара желтых глаз, легкая и такая нежная улыбка. Помимо этого, всегда на Эмили был красный шарф, который окутывал шею и свисал одним концом под пальто. Идя по улице, Эмили искала в кармане плеер. Нашупав и одев наушники, подсоединенные к плееру, Эмили гуляла, глаза подняты вверх, увидела щебечущих птиц. Пока стоя, зависшая, сидела и пела. Эмили тоже начала свою трель. Наедине с гармонией Эмили было приятно и хорошо, но она пошла дальше. Путь шел через мост. Идя по мосту, шум реки и музыка слились, что Эмили подошла к краю и стала любоваться. Вид чудесный: солнце играло на воде, чайка летела в небе, а утка плавала в голубизне. Дальше моста шла мостовая, состоящая из кусков мрамора и кирпича. После мостовой и моста показалась трава и тропка. Эмили шла и шла, но вот и станция. Просидев где-то 20 минут, он прибыл – красивый, красный и серебристый поезд. Войдя в поезд и найдя свободное место, Эмили с улыбкой ехала. За окном текли виды, а к Эмили подошли парни. Она, лишь чуть смущенная, отвернулась, не слушая их. Доехав, Эмили шла по мостовой, потом по лестнице, и вот квартира. Войдя, Эмили сняла обувь и пальто, оставшись с шарфом на шее, она прошла в комнату, где, взяв дневник, написав обо всем за день, закончила ярлыком. День 0

Загодочный обрывок.

Луна уходит придет солнце яркие лучи отражались от крыш, от луж. В глаза светит так уж. Лучи били в окно оставляя тень на полу вроде штрихкода. Одна из теней упала на стол. Телефон завибрировал. Ели приоткрыв один глаз она выключила будильник. Сказав-еще 5 минуточек. Эмили залезла под мягкое и нагретое теплом своего тело одеяло. Сомкнув глаза эмили видела птичек и себя гуляющих по лесу . С деревьев падала желто-яркая листва. Птичек в темно-желтом окраске сидевших на деревьях. Эмили шла и шла, и увидела выход. Там оказалась мощная, но прозрачная река. Рыбы прыгали по течению, золотые карпы прыгали вперед. Эмили села и стала наблюдать за всем, но увидела кусты малины на другом берегу. стала думать как перейти реку. Оглядевшись у берега где она стоит, увидела лежит бревно. Бревно было как перо, она перекинула его через реку получился мост. Встав на него эмили еле держала равновесия и подходя к ягодному берегу, вдруг звук и эмили падает. -пип, пип, пип. -ну неет только не вставать. Эмили сказала недовольно убирала одеяло. Вставать было тяжело , ну очень тяжело. Поднялась она аккуратно, она хотела спать только. Подойдя к письменному столу она включила старый ноутбук. Экран зажегся , а она посмотрела на дату. В отражение показался её утренний вид. Она в ночной пижаме и мешками. Она села и смотрела на все. Кровать в углу серые стены, в конце комнаты шкаф купе и книжный шкаф с её любимыми авторами и стопки документов, и армии подаренных фигурок. По вселенным книг, фильмов , аниме. Рядом со шкафом стоял вентилятор , который не подходил к температуре и до которого руку не дотенулись, убрать. Эмили прошла на кухню темный ламинат сменил светлый а стены такие-же. Из двух окон по бокам бил свет, а между окнами стоял стол из дерева и пластиковые стулья. Подойдя к гарнитуре выполненной в черных и бежевых цветах. Стол гарнитуры выполнен из искусственного камня. Эмили достала из шкафчика , пачку кофейных зерен. Засыпав их в ручную кофемолку. Она стала молоть их в порошок. Взяв кофеварку засыпав измельченные зерно она налила воды и воткнула провод в розетку. Кофеварка зашумела, а она пошла обратно в комнату. Она стала заправлять кровать,направлять одеяло и накинув сверху плед.подойдя к шкафу и взяв вещи она пошла в ванну. В ванной она почистила зубы и переоделась. Придя уже в домашней одежде , кофе было готово и посмотрев на стену. Где была картина и расцветом и маковым полем, купленная на распродаже, так же как и белые часы с серебристыми стрелками которые не шли. -блин батарейки надо менять, но сначала завтрак.подойдя к холодильнику там был сыр, яйца, хлеб и масло.

-надо сходить за продуктами, потом. Подойдя к плитке и достав сковородку она зажгла огонь. Первым пошло сливочное масло. Кинув куски хлеба, она стала обжаривать с каждой стороны до хрустящей корочки. Отлажив хлеб на тарелку. Втором пошли два яйца, она добавила соль и перец. Яйца приготовились , не выключая сковородку она положила хлеб ,сверхну яйцо и сыр закрыла хлебом.выложив с сковородки тосты она уселась за стол , налив себе кофе. Отодвинув немного стул, она смотрела в окно. Окна выходили на жилую улицу окраины. напротив её дома был такой же многоэтажный дом с супермаркетом внизу. Эммили нравилась тут со стороны окон город, с другой стороны поле и мостовая до поезда. Поев и выпив кофе.она убрала посуду в раковину она открыла ящик, но батареек не было. Вымав посуду и сковородку.она пошла в комнату где взяв из шкафа полотенце. Пошла в душ выйдя из встроенной ванны она расчесывала волосы и тут звук. Выйдя и поняв звуки из комнаты она направилась туда. Придя звуком было уведомление на ноутбуке . Посмотреть она не успела . Звонок.

-алло?

-эмили ты где?

-вмысле?

-работа эмили, работа!

-ой.

-я шас приеду эндрю.

-бегом я сказал, что у тебя поезд сломался. -спасибо я бегом. Звонок сбросился. Она стала одеваться и уже через 5 минут стояла на пороге с сумкой и Одевая шарф и пальто . -плейр блин . Вбежав в комнату взяв она вышла из квартиры закрыв дверь. Эмили выбежала из квартиры и пошла спускаться. Звук ботинок раздавался в тишине буднего дня, когда она шагала по бетону, переключаясь на звук металлической лестницы. Пролетая первый пролет, в лицо ударил ветер, причем сильно, и поднял волосы. Второй ветер был уже тише и вот утих. Она шла по асфальту, переходя на выложенную мелкими камнями тропинку. Иногда эти камни впивались в себя злость, радость и скуку. Кто-то, идя, пинает камни, кто-то радостно по ним шуршит, а иногда, из-за скуки, рисует носком ботинка, отодвигая камни. Эмили была иногда третьим и первым типом людей. Вот и сейчас она бежала, раскидывая камни, освобождая себе дорогу. Тропинка кончилась, и пошла уже знакомая мостовая, которая оставляла следы на обуви — красные, трудно смываемые следы кирпича. После мостовой шла уже станция. Эмили уверенно стала ждать. Прошло десять минут, и поезд не прибывал. Эти десять минут Эмили переживала и прощалась. Наконец поезд приехал и отогнал мысли: «Действительно ли сломался?» Сев и найдя единственное место, она села и стала смотреть в окно. Деревья стояли рядами и красовались перед проезжающими составами, они очень ярко выражены. Листва играла красками, словно палитра. Яркие-красные листья вперемешку с желтизной, где-то с целомудренной зеленью, не тронутой до поры до времени. Ландшафт заслуживает отдельной похвалы: разнообразие камней разных форм и видов, павших деревьев разных высот и пород, холмов, оврагов, ям. Где-то были муравейники, где-то улья диких пчел, а из городских построек ландшафта были станции. Эмили увлеченно смотрела, слушая музыкальную группу. Группа играет на разных инструментах, и она помнила все имена их владельцев: за барабанами — Альберт, за гитарой — Пол, скрипка была инструментом Ады, бас-гитара — на ней Робин, а вокале был Фрости. Эмили смешило имя вокалиста «Фрости», словно героя манги, умершего из-за грузовика. Поезд остановился, и Эмили прокляла настенные часы и свою невнимательность и стала выходить из вагона. Ботинок наступил на станцию, где сразу же почувствовался запах еды. Рядом со станцией располагалась лапшичная и кебабная, в которой часто сидели работники предприятий и заводов. Они ходили в нее с вечера пятницы по вечер воскресенья. Виной всему была репутация места для работяг. Как они такую репутацию заработали, никто уже не помнит. А лапшичную облюбовали местные офисники и «белые лебеди» — так повсеместно называли работниц оперы и театра. Причина была простая: у них длинные шеи, как у лебедей, белые куртки у театра, а у оперы — белые сапоги. Эмили ходила туда и сюда после смены, уставшая и не имея времени на готовку. Сама же работа Эмили располагалась за двумя зданиями, после лапшичной. Рядом стоял офис, который согласовывал договоры, делал печати и был посредником. Эмили шла и писала заявление и свидетельство. Заявление об увольнении, а свидетельство о смерти. Шаги ускорились в направлении своей судьбы-злодейки, которую она приняла: «Спасибо, Эндрю, и прости, что подставился». Вот уже Эмили стоит у кофейни «Кофе Заката». Войдя туда, она увидела это в тысячный раз. Пол в плитке цвета шашек такси. Стены были зеленого цвета с панорамными окнами в темной раме, а потолок — натяжной с подвесными лампами. Интерьер был спокойный: деревянные столы, мягкие стулья, по углам — мягкие диваны с квадратными столами. По всем стенам ползли искусственные кусты, лозы, а на них — цветные розы. Зал и зону готовки разделял стол темного цвета с круглым лого — кофейного зерна, изображенного в виде солнца на закате. Помимо стола была витрина с едой. В основном — сэндвичи и салаты. Все привозили в виде полуфабрикатов, но офисники адаптировались под такую еду, а Эмили и сама забирала еду домой, когда ее не купили полностью и срок выходил. Сейчас в кофейне были только коллеги. Эмили повернулась в сторону стойки и подошла к коллегам.

— Эмили, ты где была? Я тебя прикрыл, но она в ярости и просит объяснительную, — сказал Эндрю.

— Спасибо, — ответила Эмили.

Сегодня на смене был Андрей Гасинов — внимательный, ответственный и вполне добрый парень. А внешне он высокий, с тёмными кудрями и гладко выбритой щетиной. Кожа белая, как у дворянина. Помимо работы, он собирает карточки с персонажами разных сериалов, аниме и фильмов. Эмили нравятся с ним в перерывах поболтать о фильмах. Второй была Кристина Гусева — девушка с волосами цвета латте, которые она собирает в хвост, и с белой кожей. Эмили с ней в хороших отношениях из-за её компанейства и чувства юмора, но нельзя было сказать, что они подруги, так же, как и Андрей. Эмили привыкла разделять работу и жизнь. Самым ненавистным человеком все трое считали Найру — директора. Внешне она высокая, с тёмной кожей, волосами до спины, а характер — ужас. Крикливая, самолюбивая и испытывает удовольствие от выговоров, штрафов и объяснительных. Эмили подошла и поприветствовалась.

— Привет, проходи, переодевайся, — ответила Кристина. Эмили вошла в подсобку. Интерьер простой: пол из металла, где стоят коробки, а рядом промышленный холодильник для молочки. Но самое главное — это зона отдыха, где стоит диван, а на стене — красный ковёр. Рядом стоят стол и стулья. Напротив — кабинет босса, где она её ждёт. Войдя, она села, и началось отчитывание на десять минут. В конце она услышала:

— Иди работай! И Эмили пошла выполнять поручения с выговором за спиной. Эмили вышла из кабинета и пошла к шкафчику, там была униформа и сменная обувь. Оглядевшись на наличие Эндрю, она стала переодеваться. Сменив футболку, она застегнула фирменный кофейный фартук. Выйдя, она ритмично, словно в танце, пошла к кассе, но перед ней стоял Андрей. — Нет уж, Эмили, самое сладкое место забираешь, — сказал он. Эмили это не обидело, а скорее позабавило, и она ограничилась недоумевающим взглядом.

— Я на кассу! — сказал Эндрю с лицом, полным героизма. Она же стала менять зерно, а Кристина протирала столы. Она подошла к шкафчику и открыла. Аккуратно выложены упаковки зёрен тёмно-коричневого цвета. Взяв её, она подошла к кофемолке и открыла крышку. Открыв пачку, она вдохнула аромат, что одновременно радовал и напоминал о смене. Зёрна сыпались, как сыпется горсть песка из ладошек малыша. Она практически закончила, и тут же Эндрю говорит: — Эмили, нам надо лого сменить.

— М?

— Эмили не поняла, но его подхватила Кристина. — Да-да, вместо кофе нам твой красный шарф. — Эмили засмеялась и лишь кивнула, ответив:

— Всем бы вам такой шарфик! Кристина засмеялась, а Эндрю задал вопрос:

— Слушай, а почему ты нос... Его ударила Кристина.

— Эндрю! — она шепнула ему на ухо, и он сказал: — Извини, Эми. Эмили не понимала. Положив пачку зерен, сказала:

— Ты про что? В этот момент она махнула рукой, и зерна упали.

— Блин! Подняв пачку, она убрала остатки и взяла метлу и совок, задавая вопрос:

— А Фрэнки не приходил еще?

— Нет, но я думаю, его и его коллег тут будет дюжина, — ответила Кристина, сдыхая. Эмили же подмела зерно, выдохнула и тут же

: — Эмили, помой пол, а мы с Эндрю салаты поставим и питчеры вымоем, — сказала Кристина.

— Почему я?

— Кто опаздывает, тот и моет. Забыла? Но Эндрю это не касается.

— Если я чуть ближе живу, то это еще ничего не значит, ответил Эндрю.

— Дурак! Чуть ближе — это когда не окраина, а ближе. Тут же, словно утверждая: "Мне до метро пять минут", живя в метро, — ответила, словно ругая, Кристина. В это время Эмили взяла швабру и ведро и стала мыть. Путь от стола к столу, вымывая грязь, она увидела на полу бумагу. Посмотрев, там было: «Джеку на вкусняшки».

— Эндрю, Кристина, а что за Джек? Оба, услышав, нервно ответили:

— Это у прошлой директрисы собака. Эмили косо посмотрела и услышала звук двери

. — Дарова, роботяги! — В кофейню вошел Фрэнки, парень лет двадцати восьми, в круглых очках и постоянно в рубаше с джинсами. Характер у него заводной, он любил поболтать, посмеяться. Во весь перерыв, и когда оборот ключа уходит на старт, заводной солдатик-офисник идет обратно.

— Привет, как жизнь?

— Неплохо, а вы?

— База. Туалета нет, директор орет, и иногда завалы. Эмили смотрела на разговор Эндрю и Фрэнки со стороны, пока не услышала:

— О, как дела, шарфик?

— Нормально, очечки. Оба засмеялись и стали прикалываться друг над другом. Эндрю стал говорить:

— Что будешь?

— Экспresso и сэндвич с курицей.

— Хорошо. Эмили домывала пол, Кристина клала на витрину еду, а Эндрю наливал экспresso. Все работали не спеша, и тут вышла Найра.

— Что, как улитки работаете!

— Мы нор... — хотела сказать Кристина и услышала:

— Ничего не нормально, я бы не говорила. Ладно, Эндрю, после смены закроешь, все выключишь. Я ушла. Её ноги пошагали, и она ушла, оставив запах духов.

— А только день, — говорит Фрэнки.

— Обыденность. А у тебя как?

— Все требуют и требуют, а я и так себя отдаю. Бывают, побриться не могу, спешу.

— Тоже самое, — ответил Эндрю. Эмили села на стул и посмотрела в экран. Кроме эсэм-эсок, ничего. И она обратилась к Фрэнки:

— Слушай, а когда у вас обед?

— Ну, через 15 минут. А у меня 10 минут, кончается, так что я пойду.

— Удачи вам. Фрэнки ушел. Они остались втроем. Кристина сказала:

— Я музыку включу.

— Ладно. Эмили кивнула и стала наблюдать, как коллега подключается к колонкам. Всю кофейню накрыл стиль металл. Эмили подняла взгляд на Эндрю. Тот — на неё, они — на Кристину.

— Херня!

— Нормальная песня.

— О чем они хоть поют? Хоть одно слово было бы понятно.

— Хорошо, что ты слушаешь?

— Хип-хоп!

— Ооо, а это те, что поют, как им больно? Эмили успокаивала их:

— Тише, у каждого свой вкус.

— Ладно, но что ты слушаешь?

— Ты группу с Фрости и еще одну.

— О, Фрости — слащавый парнишка.

— Нет. Эндрю тоже сказал:

— Это тот, что о любви поет голосом пятнадцатилетки?

— Офигели! Лучше между собой спорьте.

— Все окей, у каждого свой же вкус?

— Так же, как и мнение, — добавил Эндрю.

— Ладно, давайте за работу. Я джигеры помою и сиропы посмотрю.

— Окей. Эмили в тишине пошла к шкафчику. Там были сиропы разных вкусов: мятный, ореховый и другие. Они все были в бутылках с датой. Она смотрела дату и брала блокнот, записывала срок годности. Если заканчивался, то вперед. И так же с молочкой. Чем больше срок годности, тем дальше, чем меньше — ближе база. Были джигеры на 25 мл и 50 мл. Их она понесла в мойку, где, вымыв, отложила для удобства. Закончив, она посмотрела на коллег. Эндрю что-то писал в книгу для отчетов, а Кристина сидела, слушая свою любимую музыку. Тут Эмили отложила телефон, а за ней — Кристина и Эндрю. — Они пришли, готовьтесь. За окнами показалась приближающаяся толпа офисников. Тут Кристина спросила:

— Мы точно готовы?

— Да. Тогда начинаем. Офисники пришли, и начался завал. Офисники просили двух вещей: кофе и еду. Начались первые заказы.

— Латте и салат с курицей.

— Хорошо, — ответил Эндрю.

— Поняла,

— сказала Кристина, готовя кофе. Эмили молча брала еду и ложилась. За спиной послышался звук капучинатора. В руках опытного бариста, по типу Кристины, кофе был идеальным. Она брала питчер и наливала молоко так ровно, что, поставив его на весы, можно определить норму. А если в её руки попадали холдер и кофемолка — это надо видеть. Когда кофемолка насыпала кофе в холдер, она на глаз понимала, сколько там, потом быстро ударяла горизонтальной частью ладони по краям, выравнивала горку и прессовала её с помощью темперы. Дальше, пролив воду, она ставила холдер и стала готовить молоко. Продув паром капучинатор, она взбивала молоко до полнейшей готовности, и тут начиналось шоу рук. Взяв кофе, налитый в стакан, она крутила, добавляя молоко, что заставило изменить цвет, потом в конце она делала латте-арт, и тут она была мастером. Лебеди, цветки, чашки — она делала словно с рождения, вливая молоко порционно. Дальше свой талант проявляла Эмили. У неё удавалось собирать всё моментально. За два года работы она выучила, как, что делать и где что находится. Когда она должна была забрать кофе, она закрывала одной рукой, другой открывала пакет, ложила кофе и сэндвич, закрывая защитной наклейкой, и отдавала его. Эндрю был хорош и на кассе, но в основном он, как барабанщик на войне, поднимал дух. С кассой он управлялся неплохо: отбитие QR-кодов и штрихкодов, внесение сумм и счет наличности он выполнял моментально и ловко. Все они работали в поте лица, и тут — второй наплыв.

— Можно кофе.

— А можно сэндвич. Они справлялись на ура, каждый в такие моменты вкладывал всего себя. Не давая отдыха, Эндрю шпарил на кассе, обливаясь потом, не снимая улыбку. Кристина и кофемашина стали одним целым, а Эмили убивала ноги. Тут Кристина крикнула.

— Стаканы кончились!

— Как! — удивился Эндрю.

— Ты сам говорил, что все в порядке!

— А я откуда знал! Они кричали, а посетители ждали свой кофе и еду.

— Что делать? — спросил Эндрю.

— Что, что? Не знаю! — крикнула Кристина. Эмили видела в их глазах панику.

— Успокойтесь! Никто не услышал, и тогда Эмили поняла: «Я все исправлю». Она продала последние сэндвичи и ударила по столу, сказав официантам:

— Простите нас, мы понимаем, что вы голодны и хотите взбодриться. Нам нужно пять минут, только. Вдруг двое коллег сказали.

— Пять минут. Эмили стала за штурвал, и теперь она — капитан, который не даст им утонуть.

— Внимания! Эндрю, на склад за едой. Кристина, ты за стаканами. Я на кассу. Работаем автономно, не ждем никого. Тут они переглянулись и сказали:— Хорошо! Она начала решать проблему и толкать речь с извинениями. Эндрю и Кристина работали быстро, и Эмили не отставала. Они уложились в четыре минуты. Офисники заканчивались, и наступил мир и покой. Тут двое офисников, захлопав, сказали:

— Молодцы, молодцы!

— Вы чего?

— Мы в офисах думали, у нас проблемы, а у вас тут ужас.

— Спасибо.

— За оперативность от всех — чаевые. В банку упала неплохая сумма. Эмили смотрела на коллег, они — на нее.

— Они твои, — сказали Эндрю и Кристина. Эмили подумала и заявила:

— Нет, лучше вы мне вдвоем в долгу будете, — сказала, улыбаясь, поправляя шарф.

— Справедливо.

— Угу, — сказали коллеги. Эмили на них посмотрела и придумала:

— Первое: если я опоздаю, то вы можете пол.

— Ладно, но один раз, — сказал Эндрю.

— Второе: ну, вы это, мне сэндвичи купите, — сказала Эмили. Кристина тут же засмеялась:

— Эндрю, очень жесткое условие!

— Да, но придется выполнять. Она посмотрела и про себя сказала: «Придурки». Они сели отдыхать.

— Кристина, можно раф? — спросил Эндрю.

— Да.

— И мне тогда.

— Хорошо. Все, как обычно, стало. Все сидят, только кофемашинка шумела, а Эндрю чуть ли не спал, глаза были еле открыты. Кристина несла три кружки.

— Спасибо, кстати. Включай свою музыку, я не против, если там металл, — сказала Эмили.

— А что так?

— Не знаю, может, я пойму замысел и смысл.

— Окей, тогда и твою включим потом. Она подошла и включила колонки, и пошли песни. Звук барабанов и бас, потом послышались слова, но их еле можно было услышать. Тогда она сконцентрировалась на словах, а звук — на фоне. Она услышала слова:

— Любовь моя давно мертва, но счастье для меня теперь свобода, — сказала Эмили.

— И разнесу любовь свою в душу и сердца, — закончила Кристина. Обе пели и радовались, и тут Кристина говорит:

— Теперь твоя очередь. Эмили включает. Ада начинает игру, Пол тоже, и тот Фрости поет.— Скрипка и гитара:

— мои лучшие друзья, — сказала Кристина.

— Вау.

— Они — танец света и огня.

— Огромный зал или компания, гитара— инструмент повествования.

— Скрипка — оперы, театры, профессиональные музыканты, — закончила Эмили. Тут же Эндрю сказал:

— Мда, оба ужасны.

— Заткнись! — сказали девочки.

— А что... — хотел сказать, но звонок.

— У кого? — спросил Эндрю. Кристина нашарила телефон, а Эмили нет.

— Мой. Взяв телефон, она увидела «Юки».

— Алло?

— Привет, Эмили.

— Привет.

— Вечером занята?

— Ну, не знаю.

— Вечером у меня после работы

— Но...

— Никаких «но», мы с Катей ждем. Трубка сбросилась.

— Что такое шарф? — спросил Эндрю.

— Друзья.

— Эндрю, салат есть?

— Вроде с курицей.

— Тогда пробей. Взяв еду, она села есть. Салат состоит из листьев капусты, курицы, сухариков и помидоров. Вполне вкусно. Открыв и проткнув вилкой курицу, она положила в рот. Победав, она приготовила сэндвичи к продаже и сказала: — Я посплю?

— Да, иди, всё равно сейчас людей нет, — сказала Кристина.

— Эмили, ты и так проспала же.

— Не занудствуй. Она миновала разговор и пошла к дивану, где открыла его, взяв плед и подушку. Она положила телефон и легла вздремнуть. Закрыв глаза, она упала вниз и летела. И вот снова на берегу, и тут мост. Она встала и пошла по бревну. Теперь она на берегу с малиной. Она села у куста, беря аккуратно пальцами ягоду и смотря на неё внимательно. Вдруг чей-то взгляд показался из-за куста. Рыжий хвост и чёрный нос

— да это лиса. Она смотрела на Эмили, та на неё. Она оторвала ягоду и протянула лисе. Она, понюхав, съела, потом, обойдя, как собака, легла у ног, а Эмили взяла ягоду и поднесла к рту, привкушая сладость победы. Но вдруг она слышит;

— Вставай!

— Вставай!

— Эмили, подъём!

— Она открыла глаза и увидела Эндрю.

— Что? — Подъём, скоро вечерний наплыв.

— Ладно, — сказала Эмили, неохотно вставая. Выйдя, её ожидали покупатели, и она стала собирать заказы. Раз взяв еду, два убрала в пакет, три — наклеить наклейки и отдать. Так и следующие заказы, пока не осталось никого. Она кинула взгляд на улицу, было темно и, судя по листе, ветренно. Она отбивала музыку пальцами по столам: мизинец, средний, указательный, кулак — удар и снова. Ногой она шлёпала по полу и свистела. Она отделилась от мира и была уже где-то далеко, где-то только она и её трель, но её вернули.

— Эмили! Она смотрела в сторону изданного звука и увидела руку, указывающую на окно. За окном шли «белые лебеди». Тут она поняла: пора складывать еду. Войдя, они попросили, как обычно, кофе и салат. Их было около десяти, все они приходили уже в тысячный раз, кроме одной. Впервые её увидела Эмили: высокая, светлая кожа, волосы волнисто-чёрные. Плечи тонкие, грудь средняя, как и талия. Она сидела одна, пока не пришёл парень в чёрном костюме. Она отбросила вопросы и мысли и стала работать. Спустя час они все ушли, кроме их двоих. Женщина встала и открыла футляр, достав скрипку посмотреть. Эмили стало интересно, как вживую звучит скрипка, и когда женщина хотела закрыть, она крикнула:

— Извините! Женщина посмотрела на неё зелёными глазами и спросила:

— Да, что такое? Эмили было неловко, но она сказала:

— Можете, если не сложно, сыграть? Женщина заулыбалась и достала скрипку. Парень спросил: «Ну что, станцуем?» Он протянул руку в знак приглашения, и она дала ответ, взяв её. Эндрю отодвинул столы, и начался вальс. Эмили смотрела в голубые глаза и чувствовала теплоту его ладоней. Он поднял её, закружил и опустил, не убирая глаз с неё, в конце усадил на стул. Скрипка доигрывала мелодию. Женщина убрала скрипку, положила чаевые и ушла. Парень попрощался:

— До свидания. Все трое посмотрели на время и стали убираться: Эндрю — стол и зал, Кристина — рабочую зону, а Эмили — всю еду, убирала и мыла джигеры. Когда всё кончилось, они вышли на улицу, закрыв кафе. Свежий и в то же время холодный воздух ударил в лицо и взбодрил лучше кофе. Все трое стояли, любовались вечерним городом. Жилые высотки, тянувшиеся в небо, но не достигшие офисов; где-то в окнах горел свет, а где-то нет, словно на старой гирлянде. Сама же улица была полна людей, стремящихся дойти до дома и предаться постели, горячей еде или просто даже ванне. Первым оборвал тишину Эндрю

— Красиво, но мне надо уборку делать.

— Мне тоже пора,

— сказала Кристина.

— Пока,

— произнесла Эмили, смотря, как коллеги уходят. Вот теперь она одна, в гордом одиночестве, которое продлится пару часов из-за звонка. Она достала телефон и включила его, тут же пришло сообщение от Эсме: «Мы тебя ждем». Далее прикреплено фото стола с чайником напротив свободного места. Намёк понятен, и она сделала первый шаг. Идя, она слушала песню в стиле металл и смотрела в этот красивый океан звёзд. Небо было и вправду красивым, в нём было то, чего нам не хватает всем и каждому — разнообразия. Дорога, по которой она шла, была календарем: осень — опавшие листья, зимой — тропинки снега и следы обуви. Весной — лужи, а летом — пробитый асфальт с травой. Идя в такое время, все было так приятно, спокойно, что хотелось окунуться в этот поток гармонии ночи и фонарей, стоявших вдоль всего пути. Эмили размеренно шагала и под песню пальцами щелчки издавала. Ну вот и дошагала. Улица с кебабной, где уже прибывали первые роботяги, и лапшичная, в которой была толпа людей, а за ней уже станция. Ветер поднялся сильный и шептал о дожде. Она встала на платформу и топтала ногой упавший лист. В ушах наушников была вторая группа из трех человек: вокалиста — майки с желтыми волосами, гитарист — кайман с черными волосами и сережкой, последней была бас-гитаристка Айва Мими с фиолетовыми волосами в два хвоста. Эмили долго ждала и стала раздраженно пинать банку, а ветер усилился и тучи сошлись, но показались два ярких луча. Поезд прибыл, и только она вошла, за окном полил дождь. «Успела», — подумала Эмили. Поезд вечером — ужасное место, люди уставшие и злые, никто места не уступит, хоть упали от усталости. Впрочем, ей повезло. Эндрю и Кристина добираются домой на другой станции, а там кошмар: куча роботяг, которые ругаются и кричат из-за стресса. Минув две остановки, она села наконец, положила на колени сумку, а сама облакотила голову на стекло. В этот момент тело получило покой и расслабление. Минув станции и звук рельс, она отдыхала, но поезд затормозил, и на следующей ей выходить. Она приоткрыла глаза и поняла: поезд опустел, впрочем, уже пора на выход. Нога ступила на станцию и пошла по ночному городу. Квартира Юки была за станцией, до станции Эмили, и располагалась на третьем этаже кирпичной многоэтажки. Дойдя, она вошла на лестницу наверх, пока не уткнулась в дверь и не позвонив. Железная дверь распахнулась и показалась хозяйка квартиры. Юкими:

— Привет.

— Сдарова, Эмили, проходи. Она вошла в коридор с натяжными потолками и люстрой. Стены были покрашены в белый и с декоративными камнями, пол был из коричневого линолеума. Интерьер коридора был практичный: обувница, шкаф, вешалка, зеркало и небольшая полка под мелочь. Сняв пальто и обувь, она прошла проход на кухню и оказалась в зале

— единственной комнате для жизни. Потолок из деревянных панелей, а по середине круглая белая лампа с разными режимами и цветом. Пол из ламината, а стены были в обоях серого цвета с разными плакатами. Интерьер интересный: у окон стоял телевизор на тумбе, а рядом полка с журналами и пара коробок. Напротив двери в коридор — диван-раскладушка, возле которого штатив под гитару, а чуть дальше, у стены, шкаф-купе со столом в углу. Напротив дивана был стол и подушки для пола, а за всем этим — шкаф с документами, духами и аптечкой в коробке из-под кроссовок. Войдя, она спросила

— А где Катя?

— Я тут. Эмили отпрыгнула, взявшись за сердце, и еле сказала:— Черт! Что так пугать?

— Ахах, — засмеялась Юки, а Катя поставила чайник и извиняющимся взглядом посмотрела на Эмили. Подруги Эмили: это Юкими Таки, голубые волосы до спины с невидимками, тонкая шея, узкие плечи, детская грудь и небольшой живот, тонкие ноги. Одевалась она в кофты ярких цветов с открытыми плечами и узкие синие джинсы. Лицо её было кричащим: яркий макияж, серьги-гвоздики. Она играет на гитаре и работает в музыкальном магазине. Второй была Екатерина Шарконова. Волосы в хвост, до спины, шея широкая, как и плечи, а грудь средняя, так же, как и ноги. Стиль Кати — спокойный: футболки, джинсы, штаны и рубашки. Она была поклонницей сериалов, готовки, тишины, доброй атмосферы и уюта. Работала она в цветочном. Все сели, и Юки начала:

— Как работа?

— Нормально, а сама как?

— Ооо, спасибо, что спросила. Недавно ходила на концерт, расслабилась.

— Ну, это ладно. Эмили, как семья у тебя?

— Неплохо. Отец и мать раз в неделю звонят, говорят, они супер, спрашивают, как я.

— Чаю будешь? — вмешалась Катя, поднося чай к кружке, не снимая своей улыбки.

— Кстати, ты как, Кать?

— Хорошо. Сегодня оладьи сделаю, а завтра спать буду до обеда.

— Рада за тебя, — сказала Эмили, но Юки вмешалась

— Кать, что ты слушаешь?

— Тишину, — ответила сухо.

— С тобой понятно. А ты, Эмили?

— Скрипка и гитара.

— Ты серьёзно?

— Ну да.

— Фигня! Сейчас жди. Она достала гитару и начала играть. Акорды, брымчание струн, ам, а и т.д. Она играла хорошо, и всем это нравилось, но Эмили сказала:

— И что?

— У них лучше песни же, вон я показала.— Никогда не слышала.

— А смотреть чуть дальше своих ног?

— Я думаю, ты не права.

— Нет, я права!

— А вот и нет! У них начинался спор, и тут Катя ударила кулаком по столу, и наступило самое ужасное. Глаза хищника, глаза словно, сейчас убьют. Этот взгляд говорил без слов: «Лучше прекратите». Катя не кричала, Катя смотрела

. — Прости.

— Прости нас, — сказала Юки. Катя протянула руки в их сторону. Страх заполнил тело, но их просто погладили. Первой прервала тишину Юки:

— Эмили, как ты себя чувствуешь?

— В каком плане?

— Ты месяц назад грустная была после поездки домой.

— Да, помню, но не помню причину.

— Джек, — сказала Катя. Она начала вспоминать. — Да, Джек, жёлтый пёс. Жалко его, с самого детства был.

— Помню, ты грустила, записи делала в дневнике, — сказали Катя и Юки

— Разве?

— Да, придёшь, посмотришь.

— Хорошо. Эмили поняла причину разговора коллег. Ей стало интересно, и она, допив чай, сказала: — Ладно, я пойду.

— Ладно, если что, звони. Она вышла и зашагала до станции, где уже собирался уезжать поезд, но она успела. И, не садясь, она доехала. Выйдя, она почувствовала холод и ветер, что поднял песок. Она ненадолго ослепла, и когда открыла глаза, увидела чьи-то глаза. Открыв, она увидела, как что-то прыгнуло и скрылось. Она пошла и увидела никого. «Показалось», — заключила. Пройдя мостовую и идя уже по тропинке, она рисовала носком и помнила о пустом холодильнике и батарейках. Она вышла на улицу и прошла свой дом, переходя дорогу, и вот он — «24/7 гипермаркет». Войдя, она увидела ряды с продуктами, холодильник и кассу. Взяв молока, мяса, овощей, батарейки, крупы, сыр, яйца и хлеба, она подошла к кассе и сказала: — Добрый вечер.

— Добрый.

— Как у вас дела?

— Неплохо, только возле магазина что-то бегают. — Как думаете? — спросил кассир.

— Я сегодня тоже что-то видел.

— Я думаю, енот.

— Ладно, оплата картой. Оплатив, она вышла и дошла до своего дома и поднялась. Войдя в квартиру и сняв обувь, она убрала продукты, убрала обувь и поставила сэндвичи греться. Сама же она переоделась и взяла стул и отвертку. Сняв часы и открутив винтик, она заменила батарейку и настроила их. Повесив их, она слезла со стула и взяла сэндвич. Поев, она вымыла посуду, убрала, почистила зубы и пошла в спальню. Взяв дневник, она полистала страницы и увидела следы, что их оборвали, но кусок остался. Посмотрев, там написано: «Прощай, Гарольд». Эмили не поняла, но помнила, что говорила про Джека, но сейчас она написала обо всем и поставила ярлык. День 1.

Коробка.

Капли дождя били по крыше, солнце было скрыто, а ветер — сильный и настойчивый. Люди спрятались по домам и смотрели фильмы, ели, спали или просто занимались чем-то в непогоду. Она лежала в позе креветки в одном белье и спала, не переживая о дожде, холоде или работе. Но: «Пора вставать!» — подумала погода. Разозлился, разшумелся гром и усилил ветер, так что одеяло стало тряпкой и разбудило её. Эмили встала, почувствовав холод, и прикрыла окно и грудь. Беря вещи с пола, которые она сняла, посчитав, что жарко. Первой эмоцией была злоба. Злоба, направленная на себя, отражалась на самокритике: «Дура, надо было закрыть окно!» Встав с кровати и пройдя к столу, она включила ноутбук, потом сняла телефон с зарядки и сразу посмотрела на входящее сообщение. Оно было одно, к печали или счастью, от Найры: «Из-за грозы сегодня нет электричества, отдыхайте, но завтра на смену!» Вроде радостно, но надо себя занять. Ну, это после завтрака. Пройдя на кухню, она включила кофеварку в розетку и измельчила зёрна до порошкообразного состояния и засыпала в отсек с фильтром. Нажав, она зашумела, а она открыла холодильник, взяв огурцы и помидоры. Она достала чашку и доску для нарезки. Она нарезала и сложила в чашку, отложила, а сама пошла в ванную. В ванной она почистила зубы и умылась. К концу, когда она привела себя в норму, кофе был готов. Взяв кружку и налив ароматный, горький напиток, она добавила молоко и сахар в кубиках. Сахар скрылся, а она ела салат на кухне и смотрела время от времени в окно. Она захотела добавить атмосферы и выключила свет. Сидя в темноте, кладя в рот огурцы и помидоры, она поняла, чем ей заняться. Она встала и вымыла посуду, потом пошла к себе, где сняла постельное белье и кинула на пол. Взяв из шкафа второй комплект, она постелила простынь, надела наволочку, в конце на матрас положила пододеяльник. Взяла широкую часть одеяла и, найдя уголки, протянула к уголкам пододеяльника. Взяв два угла в одну руку, второе закинула одеяло и стала стряхивать. Заправив кровать, она подошла к шкафу, взяла вещи и ушла в ванную. Придя и раздевшись до белья, она сложила всё в машинку, расстегнув крючки бюстгальтера и сняв трусы, она всё положила в барабан и запустила, сама же пошла под горячий душ. Полился кипяток, немного повернув, и вот — ледяная. Найдя баланс, она намылила голову и тут же смыла шампунь. Выйдя, она надела спортивное белье, шорты и футболку из-под пижамы. Сняв вещи с сушилки, она повесила полотенце, а белье положила в корзинку, взяв с собой. Сидя у шкафа и складывая вещи, она вдруг почувствовала удар в спину. Вентилятор упал, и тут она решила из гнева разобрать его. Придя на кухню за инструментами и открыв выдвижной ящик, она взяла ключ и отвертку. Вернувшись, она разобрала его, сложила в коробку и в шкаф. Дальше, взяв тряпку и намочив ее, она протирала пыль с полки и случайно уронила фигурки из странной игры.

—Нет варки гречки. Она подняла и выдохнула.

— Фух, цел. Закончив, она включила музыку на ноутбуке. Стала играть гитарная песня, а Эмили подпевала и думала, что дальше. Пока она думала, песня закончилась. Она захотела попить чего-нибудь сладкого, в голову пришло «Отчайне» — напиток в банке. Вкус сладкий и кофейный. Встав с кровати, она оделась в уличную одежду: джинсы, свитер и сумка. Прежде чем выйти, она посмотрела на таймер машинки, потом, обувшись, одев пальто и шарф, она вышла. Дождь был сильный, и она открыла зонт. Спускаясь на первый этаж, она выходила на улицу и перешла дорогу. Войдя в магазин, она прошла до холодильника и взяла «Отчайне». Сзади послышался голос, но детский и взволнованный. Подойдя к кассе, она увидела детей: их было двое — мальчик лет восьми и второй, девяти, который говорил:

— Там что-то за станцией!

— Да!

— Ну и что там? Что нужна коробка?

— Котенок!

— Котенок? — вмешалась Эмили.

— Да, он самый, идемте!

— Только коробка нужна и еда. Эмили стало интересно, и она сказала:

— Ладно, но надеюсь, вы не врете?

— Нет, мэм!

— Хорошо, пошли тогда. Она оплатила коробку и еду. В итоге они шли по тропинке и дошли до станции, где стоял третий ребенок.

— Он у меня! Подойдя, она увидела серого маленького котенка в руках ребенка. Он выглядел слабым, и она положила его в коробку, дав еды. Он стал есть, и тут крик: — Вы чего тут делаете!

— Я сказала: домой! Дети убежали, а Эмили сказала:

— А что с котом? Она смотрела на коробку с котенком и решила, что делать. Котенок пищал и просил, видимо, маму. Тогда Эмили решила пока взять его. Идя с коробкой, она не могла представить, что так начнется утро. Дойдя, она вошла, сняла обувь, положила коробку на кровать и села смотреть в пустоту. В этот миг пришло недоумение: оказавшись в такой ситуации, надо думать, что теперь делать. В голову приходили варианты, и один из них — приют. Включив ноутбук, она зашла в браузер и искала приюты. Нажав на первую ссылку, она оказалась на сайте с изображением кошачьего дома и собачьей будки. Полистав чуть ниже, увидела телефон. Она решила проверить кота: открыв, увидела, что тот сидел, и когда она поднесла палец, он укусил и зашипел. Закрыв, она уже набирала номер, но предосторожность заставила посмотреть комментарии. Смотря их, она увидела две вещи. Первая: они накручены. Вторая: есть пара настоящих. Один такой комментарий был следующим: «Отвратительно обошлись с животными, мой кот, когда я его проведала, худушим был», — писала некая Шарлин. Она нажала на комментарии и увидела полное имя, потом, забив его в соцсети своего города, она нашла её. Она стерла номер и написала номер Шарлин. Пошли гудки.

— Алло?

— Здравствуйте, я увидел ваш комментарий на сайте приюта. Это правда?

— А что там написано? — Ну, плохое обращение. — Как вас зовут?

— Эмили.

— Так вот, Эмили, когда я пришла, животные боялись рук и были худощавы. Цензурных слов не хватит описать весь ужас.

— Спасибо большое. Звонок сбросился. Она понимала, что её совесть съест, и вообще, кем надо быть, чтобы такое сделать. Сидя в комнате, она включила лампу с торшером и пошла за полотенцем на кухню. Всё забрав, она взяла коробку и открыла. Он шипел, а она взяла его на руки и положила на пол. Взяв коробку, она положила полотенце на дно и обратно туда же кота. Взяв коробку, она понесла в ванную, где поставила на пол. Сама сняла пальто и повесила в коридор. Вернувшись, она взяла ковшик и налила тёплой воды. Взяв котёнка, она аккуратно смывала грязь, игнорируя его шипение. Обтерев его сухим полотенцем и положив на пол, чтобы тот посидел хоть не в коробке, и вдруг.

— Пим, пип. Котенок замаяукал, а Эмили положила его в коробку, сказав:

— Тише, тише, тише!

— Это машина, — сказала Эмили. Она гладила его и пыталась успокоить, дав палец. Тот стал ласковым и просил еще. Она улыбалась и гладила его. Вдвоем они сидели на полу ванной и смотрели друг на друга. Эмили взяла коробку и отнесла ее в комнату, сама взяла белье и повесила на сушилку. Вернувшись, она поставила коробку на стол и стала думать. Второй мыслью были друзья и коллеги, но двое сразу уходят. Эндрю аллергик, а Юкими слишком энергичная. Первым написала Кристине: «Не нужен котенок?» Ответ был звонком.

— Нет, но что такое?

— У меня котенок.

— Понятно.

— Эмили, слушай, если надо зоотовары, то я знаю, у кого есть.

— Хорошо.

— Ладно, я спать.

— Спокойной ночи, Кристина. Второй была Катя, но она, скорее всего, спит. Она легла и стала думать дальше. Пока что она решила приготовить что-нибудь. Войдя на кухню и открыв холодильник, достав хлеб и сыр, она приготовила бутерброды. Придя и еще раз заглянув в коробку, увидела, что котенок лежал в апатии и ничего не хотел. Она решила сходить ему за вкусняшками и игрушкой. Одевшись, она сказала:— Я скоро приду. Выйдя, она быстро шла по лестнице, потом перешла дорогу, и вот она снова в магазине, где подошла к продавцу и сказала:

— Добрый день.

— Добрый, вам подсказать?

— Да, мне нужен корм для котят и игрушка.

— Хорошо. Спустя миг он вернулся с кормом и мышкой.

— Спасибо.

— Пожалуйста, оплата по карте.

— Да. Она оплатила и вышла

Она шла домой быстро и, войдя, сказала:

— Я пришла. Была тишина, и Эмили прошла к коробке и видела, что тот спит. Она прошла на кухню, где налила кофе и думала. Кому отдать это нежное, милое создание? Себе оставить она боялась из-за неаккуратности и забывчивости. Она опять подошла к наотбуку и теперь искала семью, чтобы его отдать. Пролистав пару объявлений, она решила позвонить семье. Сделав первый звонок, не ответили, так со вторым и третьим, и вот четвертый с ответом.

— Алло?

— Привет, пап.

— Ты в порядке?

— Да?

— Ты нам не звонишь, мы обычно тебе.

— Пап, котенок не нужен?

— Нет.

— Пока.

— Пока. Эмили любила отца за краткость и не задавание вопросов. Она впадает в отчаяние и кладет голову на стол. Открыв коробку, она увидела, как он лежит и не реагирует. Она его подняла и ощутила легкость его тела, а на дне коробки — его шерсть. Страх и паника надломили её. Первые действия — найти ветклинику. Смотря в телефон, она нашла три, и все за две или четыре станции. Она оделась, взяла в руки коробку и говорила:

— Держись, мой хороший! Она обулась и выбежала, наплевав на свет. Она чувствовала давящий страх, который давил изнутри. Она спускалась с коробкой, наплевав на дождь, и когда опустилась на землю, бежала. Бежа по тропе, она плакала и чувствовала ветер, который поднял песок и ослепил её, но она стойко бежала, не отпуская коробку. Пошла мостовая, а с ней — биение сердца и тихие крики котенка.

— Мы сможем, только говори. Котенок на зло замолчал. Она ускорила и увидела станцию поезда. Поезд ехал и подъезжал, а она бежала и успела, прежде чем двери закроются. Эмили села и плакала от неизвестности: «Выживет ли?» Она открыла коробку, котенок лежал в судороге и шевелил глазами неохотно.

— Я тебя принесла, уберегла от смерти от холода. Сейчас ты должен выжить? Они ехали недолго. Выйдя на нужной станции, она бежала сломя голову сквозь людей, лишь бы добраться, и вот — вывеска «Гав и Мяу». Она не видела вход и окликнула человека с сумкой-переноской.

— Где вход? Он умирает.

— С другой стороны.

Она прибежала и открыла дверь, и к ней обратились:

— Что у вас? — Котенок умирает.

— Дайте документы.

— Какие документы?

— На него. —

У меня нет.

— Тогда не помогу, извините.

— Как?

— Таковы правила.

— Но он же...

— Мне жаль. Эмили выбежала и бежала до следующей станции и звонила Кате. Она ответила:

— Алло? — Катя, у меня беда, котенок умирает. Я иду в ветеринарку, а ты иди в другую, если в этой не примут.

— Хорошо, но где она?

— Возле станции, не доезжая одну до твоей.

— Поняла, бегу. Она сбросила трубку и бежала вдоль улицы, пока не уткнулась в оживлённую дорогу. Время дороже, и она перебегает. Фургон тормозит, авто пролетает, кто-то орёт:

— Дура!

— Да, я дура, но он выживет. И вот вторая клиника: «Закрита на ремонт».

— Блин, последняя! Она в отчаянии.

— Ты помнишь меня?

— Она плачет, но бежит.

— Это я.

— Помнишь, сидел в ванной на полу ты, такой ласковый.

— Не умирай, прошу тебя! — Не умирай! Она несётся до станции и запрыгивает в уходящий поезд жизни.

— Живи, живи! У Эмили истерика, она рыдает и выходит. Котенок молчит, судороги закончились. Она сломлена и переходит дорогу, оказалась в клинике.

— Прости меня, что не успела.

— Я старалась добежать как можно скорее. — Что у вас?

— Эй? — Девушка. Эмили сломлена и протягивает коробку, говорит:

— Котенок.

— Что с ним? Она плачет и говорит:

— Ему плохо, он теряет вес и шерсть.

— Дайте сюда, — говорит врач. Она смотрела, как его уносят с коробкой.

— Вы куда его?! Она бежала и кричала, но её остановили.

— Да стойте, мисс!

— Нет!

— Котенок!

— Успокойтесь.

— Но там...

— Мы панием, посидите. Она села, сложив голову, и плакала.

— Котенок, я виновата.

— Я имя даже не придумала!

— Ты сидел в этой холодный день в коробке. Если бы не дождь с грозой, я бы не вышла в магазин, а была бы на работе.

— Если бы не любопытство, мы бы не встретились.
— Я тупая дура, дура! Я думала, ты просто слабый.
— Я гладила тебя, не задумываясь о твоём состоянии.— Успокойтесь, — говорила медсестра.

— Нет, я виновата, из-за меня всё это. Она держала в руках коробку и взяла шерсть.
— Я бы дала имя, но уже поздно.
— Эмили, ты как?
— Привет, Катя.
— Эмили...
— Она обняла её и гладила.
— Эмили, он у врачей, всё будет хорошо.
— Катя, я боюсь. Она рыдала в куртку своей подруги.
— Если бы я поняла, что ты не голоден, а болен...— Если бы я знала, что это не скука...
— Если бы я сразу сюда..
— Мне жаль.— Эмили!
— Что, Катя?
— Давай надеяться на лучшее.
— На что? На что, Катя, мне надеяться? Что он воскреснет!
— Я виновата, как ты не можешь понять? Она плакала, а Катя её гладила, и тут Эмили

говорит:

— Прости, Катя, я... я..
— Всё хорошо, и не плачь.

Самое горькое чувство — это утрата. Понимая, что тот, кого ты видел впервые или тысячный раз, его нет, он такой один, и ты не сможешь объяснить уникальность. Так же и с животными: хоть они ведут себя инстинктивно, но и они уникальны. Эмили почему-то это пришло в голову. В данный момент вызывала рвоту

— Я бы отдала свою жизнь за его.

— Ведь я его приняла из рук того ребенка. Эмили успокоилась, и всё стало тихо. Она не слышит окружающий мир. Она моргнула, и вот она в своём разрушенном мире, где только она и скамейка. Но что это? Перед ней кто-то. Это желтый пес? Он подходит и говорит:

— Гав, привет, ты выросла.
— Джек?
— Не волнуйся, я сверху, тут с Гальдом, и его нет тут.
— Джек!
— Котенок выживет, а мне пора.
— Но, Джек? Тут всё пролетает: котенок, коробка, пес и силуэт какого-то кота. Она снова

в клинике, и подходит врач.

— Документы сделать надо?
— Что?
— Он сейчас спит, я выписал ему лекарство.
— Где он?
— Я же говорю, спит.
— Хорошо. Эмили не понимала, а Катя радовалась.
— Он жив!

— Катя, я не поверю, пока не увижу. Спустя 15 минут принесли коробку. Держа и слушая его хrap, она боялась открыть, поэтому только спросила:

— До сколько документы сделать?
— В течение дня.
— Хорошо.

— До свидания. Втроем они вышли, и Катя говорит:

— Идем ко мне?

— Идем. Идя с коробкой, она чувствовала тяжесть в своих ногах и слезы на щеках. Они ждали поезд в тишине. В голове у Кати, скорее всего, радость, а у Эмили — сброд чувств и эмоций: страх, недопонимание, усталость, потеря. Последнее не уходило, и в голове, что он жив, звучит фальшиво. Поезд примчался, и они сели, но ненадолго. Выйдя, они прошли по улице и дошли до жилого комплекса, где, войдя в подъезд и поднявшись в квартиру, Эмили сняла обувь и вслепую прошла. Катя говорит:

— Жди, сейчас всё достану. Катя достала одеяло и подушку и постелила Эмили. Она легла и положила рядом коробку, уснула. Она не летит, а стоит. С неба падает что-то холодное. Это вода, идёт дождь. Напротив котёнок, он уходит.

— Стой! Она идёт, он отдаётся, и она говорит:

— Подожди. Они идут вдвоём. Ветер поднялся, и она уже теряет его, но вот опять показывается. Он пишет и говорит: «Идём же». Она идёт, и опять скрылся. Пройдя вперёд чуть дальше, видит коробку и его, заползающего, а на коробке надпись: «Моё имя?». Она думает и смотрит на него в середине коробки.

— Коробка и середина.

— Я знаю, как тебя назвать.

— Ты теперь Роб!

— Эй!

— Эмили! Она открывает глаза и видит пальто, шарф и свитер.

— Катя, почему я в топике?

— Ты мокрая, ты тяжело дышала, боялась, заболеешь.

— Ладно, спасибо. Она оделась и спросила:— Сколько я проспала?

— Час.

— Спасибо, но где Роб?

— Роб?

— Котёнок.

— В коробке. Она открывает и берёт его в руки. Тот открывает глаза и нюхает её. Катя вмешалась:

— Его зовут Роб?

— Да, в честь коробки.

— Типа середина слова?

— Да.

— Ладно. Оладья будешь?

— Да, пожалуй. Она лежала в квартире Кати. Стены в обоях, потолок в плитке, и всё серое, а пол из ламината и белый. Интерьер её комнаты-студии был разделён барной стойкой. Первая часть с диваном, напротив тумба с телевизором, а по краям шкафы с книгами, документами и энциклопедиями. Рядом с диваном была гладильная доска и шкаф с вещами. Второй частью была кухня: синий гарнитур с навесными шкафами, пол из белой плитки, а стены не видны. Интерьер был для готовки, всё рядом. На стене магнит с ножами и сковородками, органайзер для специй, рядом и для ложек. Катя жарила оладьи, а Эмили гладила Роба и звонила Кристине. Та ответила.

— Привет.

— Привет. У тебя есть знакомый с зоотоваром?— Да, он сможет всё отдать со скидкой.— Можешь адрес магазина дать?

— Сейчас отправлю.

— Ладно, спасибо. Пока.

— Пока. Эмили получила адрес и сохранила, а Катя спросила:

- С чем будешь?
- Со сметаной. Она принесла тарелку и блюдо сметаны.
- Спасибо.
- Кстати, Эмили, держи.
- Она протянула стакан серого цвета
- Что это?
- Магний с водой для нервов.
- Ладно.
- Катя.
- А?
- Прости, ещё поможешь?
- Хорошо. Что делать?
- Съездить и купить всё нужное. Деньги переведу.
- Хорошо. А ты куда сейчас?
- Документы сделать.
- Ладно, но поешь. — Она взяла оладью и макнула в сметану. Прошло 30 минут, и оладий уже не было.
- Ладно, Катя, я за документами.
- Окей, я тогда тоже сейчас пойду.
- Спасибо, — сказала Эмили. Она обулась и вышла на улицу, где шла до станции. Катя живёт недалеко от центра, а магазин с зоотоваром практически в центре. Она и Роб ждали поезд. Роб кричал, она поднесла палец, тот, понюхав, замурчал.
- Эх, Роб, котёнок по имени Роб.
- А неплохо, да?
- Мяу.
- Ну ладно, нормально или просто Роб?
- Мур.
- Значит, Роб?
- Котёнок Роб?
- Мяу!
- Ладно, ладно, Роб. Поезд прибыл, и они сели. Видимо, Роб любил поезд, потому что он не кричал, а она сидела и пела.
- Мой милый Роб.
- Мой дорогой.
- Я помню, что было со мной и тобой.
- Какую боль мы перенесли, и что нас ждёт впереди? Она допела и доехала до станции, где вышла. Идя с Робом, они нашли госклинику. Войдя, она спросила:
- Где документы получить на кота?
- 105.
- Хорошо. Она шла по коридору и всё же нашла нужный кабинет. Войдя, её поприветствовал мужчина лет 50.
- Здравствуйте.
- Здравствуйте.
- Так, что у вас?
- Нужны документы.
- Документы у вас есть?
- Нет.
- Тогда знаете, какая клиника?
- Да.

— Она показала на карте.— Сейчас позвоню. Он стал звонить, а Эмили ждать.

— Ладно, всё в норме. Подпишите, и можете идти. — Она подписала и вышла из клиники, сказав Робу:— Ну вот и всё, у тебя есть паспорт.

— И мы идём в аптеку. Они вышли, и было темновато. Эмили шагала, а Роб лежал. Эти двое могли обойти весь мир, имея за спиной бесконечное время. Идя по улице, она улыбалась, радость была изумительная, чувство по сравнению с остальными. Пару домов и их улица, но сейчас они были у аптеки для животных. Войдя, она подошла и показала название лекарства и документы на котёнка. Забрав таблетки, они вышли и прошли к станции, где позвонили Кристине.

— Алло?— Кристина, спасибо большое за помощь.

— Пожалуйста, как котёнок?

— Неплохо.

— Себе оставишь? Она уверенно ответила:

— Да, и уже имя дала.

— Какое?

— Роб.

— Ну, странно, но окей.

— Ладно, фото пришли.

— Хорошо, пока.

— Пока. Тут же она обратилась к Робу:

— Ты фотогеничный?

— Мяу. Поезд прибыл, и Катя пришла.

— Привет, я принесла.

— Спасибо.

— Ещё купи корм и наполнитель.

— Хорошо.

— Слушай, Катя, я так благодарна тебе.

— Да ничего, оладьи приготовила, а дальше скучала бы, тут ты.

— Только есть одно но.

— Какое?

— Я тишину люблю, а ты и в клинике, и во сне орала.

— Прости.

— Да ничего, ладно, пока.

— Пока. Они пошли в магазин, и Эмили понимала: «Надо ей конфет купить». Спустя час они были у магазина. Войдя, она обратилась к продавцу:

— Можно корм и наполнитель.

— Консерву дать ещё? Они такое любят.

— Да, он заслужил. Оплатив покупки, они прошли и поднялись. Войдя, она разулась и прошла в комнату, где свет горел. Она положила коробку и сняла пальто, оставив шарф. Она стала разбирать пакет: там был лоток, миска, переноска и ошейник с именем Роб. Эмили надела его и сфотографировала, как он сидит в коробке, потом стала переодеваться. После всего она поставила переноску в шкаф, лоток в ванную, миску на кухню. Пройдя с робом на кухню, она открыла консерву и дала ему таблетку. Он всё съел и не заметил. Пока он ел, она закрыла глаза, и теперь её внутренний мир — это лес из сна, и с ней роб. Придя в себя, роб всё съел и хотел спать, и она тоже. Придя к себе, она легла на кровать и сняла шарф. Роб лёг на шарф, и она сфотографировалась с ним. Потом она взяла дневник и записала всё, добавив: День 2

Память и фотоальбом

Раннее утро началось не с пробуждения, а с завтрака. Эмили вчера легла рано, поэтому и встала рано. Горячий черный кофе — для неё, а для Роба — жидкий корм. Это утро было солнечным и погружающим в размышления о дальнейшей перспективе. Она и Роб теперь — обитатели этой квартиры, их собственного крохотного рая. С появлением кого-то дома появляются и вещи. Если это парень, то бритвы, пена и или что там? Эмили была далека от любви, ведь она всегда считала, что рано, а теперь считает: «А зачем?» Семья, Роб, друзья, увлечения — вот её любовь. До будильника час, но она всё сделала: развесила белье, умылась, позавтракала и собрала вещи в сумку на работу. Сейчас же она встала и прошла в комнату, чтобы переодеться, а Роб — за ней. Открыв шкаф и достав вещи, она стянула штаны с трусами и сняла через голову футболку, потом уже и топик. Взяв другое белье, она натянула штаны с трусами и застегнула крючки за застёжке бюстгалтера не с первого раза. Взяв вещи и кинув в ванной в корзину, она решила показать Робу конверт. Рыская в папках с документами, она искала небольшой конверт. Удача улыбнулась ей лицом. Она взяла письмо, и Роба на руки, тот послушно смотрел. Она прочла: «Приглашаем вас на собеседование в кафе Мисс Альви».

— Ну что, Роб, слушаешь, как я получила чужое письмо?

— Мур, мур.

— Тогда рассказываю. Это было около двух лет назад. Я только переехала в эту квартиру, подаренную в наследство от бабушки. Родители же обеспокоились и не хотели, чтобы я уезжала, но я всё же уехала. Тогда пошла искать работу и подала, наверно, сто заявлений о том, мол: «Хочу работать». На собеседование им, оказывается, нужны опытные, и вообще мест нет. Спустя месяц я шла на очередное собеседование. Поначалу мне было да, страшно, но потом я адаптировалась и не беспокоилась, стоя у входа в ресторан. Войдя, я увидела, что ресторан представлен в определённом стиле: над потолком — верёвки, пол из дерева, который вымачивали, а стулья — это бочки, столы — штурвалы кораблей. Видимо, это тематический ресторан, и она подошла к барману — блондину с зачёсанными волосами и в чёрно-белом смокинге, он протирал стакан.

— Извините.

— Да. Что будете?

— Нет, я спросить, на месте ли директор.— Пройдите в зал.

— А где он?

— От бара налево.

— Спасибо. Она шла в указанное место сквозь бегущих людей, пока не увидела фуражку капитана и костюм. Мужчина с седыми волосами, приложенными гелем. Вся уверенность и стойкость исчезли в миг. Он внушал страх, а голос заставлял слушать. Он её заметил.

— Вам помочь?

— Вы хотели что-то спросить.

— Я?

— Ну, конечно.

— Да, я к вам работать хотела прийти. Она сказала: «Чушь».

— Ну, тогда вы на месте. Я Гибс Медие.

— Здравствуйте, Эмили.

— Кем хотите быть?

— Официанткой.

— Извините, у нас всё занято.

— Эх...

— Но...

— Но?

— Мы можем найти место за награду

. — До свидания. Она вышла. Её замутило положение дел в столь утончённом месте. Выйдя, она шла до дома, который располагался в трёх километрах от неё. Идя, она только одно крутила: «Надо искать дальше». Утро. Лето. Хорошо в тёплых странах, а у них дождь. Вот и сейчас он собирался. Она шла быстро в своих ботфордах. Начался дождь, но она уже поднималась к себе и открыла дверь. Сняв обувь, она села за стол, смотря в телефон, но её отвлёк стук. Открыв, там был почтальон, и он, промокший, протянул письмо. Это было письмо: «Приглашаем вас к нам, Альви». Ниже номер и адрес. Она набрала и позвонила.

— Алло?

— Здравствуйте, вы мне конверт чужого человека прислали, а должны Альви.

— Извините, но можно вопрос?

— Да.

— Не хотите вместо неё сходить на собеседование? Эмили пораскинула мыслями и согласилась. Ей дали время на сегодня. Она вбила в карту адрес и посмотрела, от кого письмо: «M.S. Питер».

— Вот так роб.

— Мяу, мяу.

— Хочешь услышать, что было дальше?

— Мур.

— Тогда продолжаю. После письма я собиралась к ним. Одежда была под мероприятие: белая рубашка, джинсы и шарф. Я вышла и шла до станции и думала, как же мне представиться перед ними. Когда она дошла до станции и села в поезд, ей было немного тревожно и каплю страшно. Приехав, она впервые оказалась в этой части города. Тут было просторно, и виднелась забегаловка. Кебабная «Шампур». Она решила спросить дорогу. Войдя, там было пара парней и рабочие. Парни её заметили.

— Эй, красавица!

— Пошли к нам.

— Да пошли.

— Нет, я, я... Тут из-за кассы вышел мужчина лет под пятьдесят, с загорелой кожей, и подошёл к парню, взяв за ухо.

— Ишь, что удумал!

— Не пугай посетителей!

— Ой, понял.

— Извините, я Абдул.

— Эмили. Она пожала его массивную руку.

— Что вам подсказать?

— Где кофейня «Заката»?

— Она вдоль по улице.

— Спасибо. Она вышла на улицу и стала идти. За всё время поиска работы она испытывала страх, если говорила что-то не так или делала ошибки. Она стояла у кофейни и вспомнила свой принцип ограничений. Принцип заключался в простой закономерности: основной принцип — страх выделиться или сделать что-то не так. Суть проста: желание или же идея — это ток в цепи. Завершение, результат, финал — это получатель тока, а мы — это переключатель. Если мы сами нажмём на переключатель в голове, то сможем это сделать. Никто за тебя не включит его. Страх говорит: «Если я это сделаю, то осудят». Такой ход мышления был в любой деятельности. Как-то совсем подростком Эмили выступала в школьном актовом зале. Ей требовалось толкнуть речь с листка, так она всю ночь провела в переживаниях: «Что, если я неправильно прочту?» Спустя годы принцип изменился и позволял то, что раньше было ужасно

тягостным и выделяющимся. Я переключила выключатель и вошла. Там было трое работников. Я прошла к продавцу.

— Здрасьте.

— Здравствуйте, что будете?

— Нет, я трудоустроиваться.

— О, садитесь за стол, он вас ждал.

— Хорошо. Она села и чувствовала напряжение от звуков кофемашины и вообще от звуков. Она уткнулась лицом вниз и переживала. К ней сели, и она подняла голову.

— Добрый день, вы трудоустроиваться? Говорил это мужчина, не похожий ни на одного из работодателей. Он седой, с очками в квадратной оправе, в белой и слегка грязной рубашке и джинсах. Его голос и вид говорили: «Я такой же работяга».

— Да.

— Хорошо, я задам вам вопрос.

— Что должен знать бариста?

— Как готовить кофе и технику безопасности.

— Хорошо.

— Что должен понимать бариста? Эмили подумала и сказала:

— Что клиент хочет в определённое время.

— Продолжай.

— Если утро, они должны хотеть взбодриться и что-то лёгкое; обед — посидеть, поесть; вечер — взять домой.

— Хорошо, вы любите размышлять и философствовать.

— Что?

— Так, к слову.

— Чтобы вы хотели передать клиенту? — Доброту и уважение.

— Опыт есть?

— Нет.

— Тогда не можем взять.

— Эх, ладно.

— Что теперь будешь делать?

— Искать дальше.

— А если слишком тяжело, бросишь поиск?

— Нет.

— Тогда я задам вопрос.

— М?

— Какое самое главное качество для достижения цели?

— Стойкость перед проблемами?

— Да!

— Я считаю, что это твердолобость.

— Что, простите?

— Самые сильные люди

— это те, кто падал.

— Ведь они снова поднимаются? — спросила Эмили.

— Да, они хоть упали, но встают и пробуют еще и еще.

— Как тебя зовут?

— Эмили.

— Питер.

— Я бы не открыл кофейню, будучи не твердолобым.

— Эмили, любые мастера делают ошибки. Вначале с едой так же: ты будешь ложить её медленно и делать ошибки, но учиться на опыте.— Запомни это хорошо?

— Да, но я принята?

— Да, завтра все покажем.

— Спасибо.

— До завтра, Питер.

— Пока. Она вышла. В голове четко, как книжки по полочкам, сложились слова. В её голове тоже была пара размышлений на тему, как устроены люди. Люди — это чистота группа людей, атом, партии или общины, соединение. Страна — это вещь. Второе размышление — на счет имен. Вот есть дерево — это дерево, но дам ему имя, допустим, Ганс, оно не перестанет быть деревом, просто это второе имя. Она шла до станции, пока не села. Добираться до дома после собеседования тяжело. В твоей голове страх перед заданиями, обязанностью и ответственностью. Чтобы отвлечься, она включила игру: пианино, гитары и скрипки. Смотря на людей и их мимику, становилось понятно: они так же боятся, устают и злятся. Мы одинаковы в большинстве случаев, хотя отбросим, сейчас выходить из поезда.

— Ну как тебе, роб?

— Мур, мур.

— Ладно, мне пора. Она встала, оделась и вышла. Выйдя из своего убежища, она почувствовала желание дальше размышлять. Её поток мыслей был направлен на социальную направляющую. Без разговоров скучно, с ними раздражает. Она смотрела какой-то фильм наугад, и сюжет был о заключенном и его крысе. Заключенный сидел в одиночной камере, и вдруг к нему приползла крыса. Он вел с ней беседы и учил. Когда все сбиваются в банды и ведут разговоры, ему и крысы достаточно. Иронична была его причина прибытия в тюрьму. Он всегда вел с одним продавцом веселые беседы, и в один момент он сговорился с подельником. Он отвлекал кассира, а подельник вынес кассу. Он на протяжении фильма чувствовал себя кляксой на пейзаже, пока не появилась крыса. Сейчас она отбросила мысли о фильме и спускалась, поправляя шарф и застегивая пуговицы пальто. В ушах играл джаз. Она шла спокойно и не переживая. Вышла раньше обычного и даже не злая.

чудо. Идя по тропинке, в голове возникли сны у Кати дома. Сейчас же никого, кроме нее, не было. Вдыхая аромат сырой травы и слушая шуршание камней под ногами. Было безветренно, только она, лес и тропа к мостовой. А мостовая — это ужас, кирпич оставлял следы теперь сильнее. Пройдя, она услышала звук поезда вдали и ускорила, и не зря. Когда поезд прибыл, она вступила на станцию. Сев на свободное место, она слушала музыку, смотря в окно. Поезд тронулся, и вид покатился за окнами. Вид сырой травы, леса или даже рельс, грохочущих под составом. Она сложила голову на стекло и смотрела за миром природы, и тут:

— Извините.

— А? Рядом с ней сидел парень лет 17-18 на вид и говорит:

— Извините, можно с вами познакомиться?

— Сколько тебе?

— 17.

— Извини, я старше тебя.

— Простите тогда. Он встал, и Эмили говорит:

— Стой, садись, с кем не бывает.

— Хорошо.

— Может, просто поговорим?

— Ок.

— Я Эмили.

— Айро.

— Приятно познакомиться. Чем увлекаешься?

— Я художник, пейзажи и люди.

— Есть фото?

— Лучше они у меня с собой, секунду. Он достал альбом и показал рисунки пейзажей с одной деталью, бросающейся в глаза. Везде был мальчик в шапке.

— А кто это? — указала пальцем.

— Я.

— Он достал фото из кармана.

— Лучшие фото?

— Да.

— У меня есть тоже такое фото.

— Она показала роб на шарфе.

— Милашка.

— А то.

— Ладно, мне выходить.

— Пока, айро. Она осталась одна сидеть и слушать меланхоличную музыку, пока не приехала до станции и не вышла. Она шла от станции в направлении лапшичной. Лапшичная под названием «Останься, путник». Войдя, она заказала кофе и пирожок. В запасе было два часа. Поезд прибыл быстро, и она вышла рано. Села она у окна. Горячий кофе и пирожок по типу японского, с бобовой начинкой, но этот с джемом. Она ела, откусывая половину, и запивала всё кофе. Спустя пять пирожков она оставила чаевые и вышла из лапшичной. Было в запасе полтора часа. Она не спеша, сытая, шла до работы, отправляясь назад в прошлое. Тогда каждый шаг оставлял переживание и страх, а сейчас он наполнен расслабленностью. Каждый шаг, каждый метр или дюйм был долгим. Два жилых дома и высотка офиса, за ней фотостудия и жилые дома. В фотостудии она хотела распечатать фото на память, но все ужасные. А сейчас у неё есть роб, и она уже решила после работы туда пойти. Пока что пора в кофейню. Войдя, свет не горел, и было пусто. Посмотрев, она поняла, что раньше всех коллег прибыла. Пройдя в подсобку, она положила сумку на диван и открыла ящик с униформой. Раз пуговка, два пуговка, три, четыре, пять — и вот пальто можно снять. Два, три — вот и кофтуними. Вжух через головку — шёлк, и вот фартук одет. Одевшись, она поменяла обувь и вышла. Найра.

— Ты время спутала? По её выражению видно, что она удивлена.

— Нет.

— А тогда? Найра совсем отошла от мира, слушая следующие слова.

— Я раньше вышла, чтобы не опоздать. Найру это разозлило.

— Иди работай! Она вышла и пошла к шкафчику, где и взяла тряпку. Потом, намочив её, положила в центр витрины и начала протирать слева, а потом и справа. Закончив, она вымыла тряпку и прошла к холодильнику, где взяла полуфабрикаты и оставила один себе. Она раскладывала для товарного вида: сверху — сэндвичи, внизу — салаты, а в середине — пирожные и так далее. Закончив, она развернулась и пошла к двери, где, взяв за ручку, открыла и прошла в подсобку. Маленькие шаги раздались в этой комнатке, где её обитатели едят, отдыхают и иногда, как она, спят. Пройдя к чайнику, она взяла его в руки и пошла к раковине, где набрала воды и поставила. Посмотрев в телефон, до открытия был час. Неплохо. Сидя, она смотрела в точку и залипла. Бывает, когда ты просто наслаждаешься ожиданием чего-то незначительного, даже чайника. Даёт спокойствие. Мысли — это поток информации в океане памяти и знаний. Сейчас поток направлен в простые понятия мира: сколько весит добро и зло. Она читала в интернете и узнала о древнем боге Египта Анубисе и его весах. На одной части весов — перо Миат, на другой же — сердце покойного. Если сердце тяжелее, то его сжигали, если одинаково с пером — то в загробный мир. Эмили любила мифологию разных стран и истории. Ей нравилась история о жизни Диогена в сосуде, а также нравилась история о викингках. Однажды она смотрела фильм о путешествии павшего викинга и валькирии с обломными крыльями. Чайник

закипел. Она прошла медленно, как бы рассчитывая силы на весь день. Взяв аккуратно тремя пальцами — средним, указательным и безымянным — кружку. Взяв чайник всеми пятью пальцами, она обдала кружку кипятком, чтобы убить всех микробов. Налив кипятка, она взяла кофе и ложку. Взяв ложкой кофе, она погрузила в воду и смотрела, как та меняет цвет. Эмили разбавила кофе молоком и смотрела за слиянием двух жидкостей в одну. Она мешала кофе ложкой, образуя вихрь — кофейный вихрь. Чуть присыпав, она сделала первый глоток. Жидкий уют и наслаждение. Взяв во второй раз, она ощутила тепло, обволакивающее её небо. Кофе бликал на свете и оставлял след на кружке. Тут возник вопрос:

— А давно ли я кофе пью?

— А помню, когда это было. Эмили десять лет. Это было тёплое и знойное лето. Она играла на лужайке дачи. Отец

— спокойный и сдержанный мужчина — сидел на стуле и читал вроде книгу или газету?

— Нет.

— Это была брошюрка.

— Да, брошюрка. Мама сидела на кухне и пила что-то из кружки. Тогда Эмили прошла на кухню и увидела маму с распущенными волосами. На её лице играла маленькая улыбка, она смотрела шоу.

— Мама.

— Да.

— Мама.

— А?

— А что ты пьешь!

— Кофе. А как ты поняла, что я пью что-то?

— В окно посмотрела. Эмили собралась и сказала:

— А можно мне попробовать?

— Нет.

— Пожалуйста.

— Не уснешь потом, еще он противный на вкус. — А зачем ты пьешь?

— Мне хочется взбодриться, и еще я давно не маленькая.

— Ну мам!

— Ладно, но глоток только. Она протянула Эмили. — Ну как?

— Ммм, вкусно!

— Дорогой, у нас теперь уникальная, особенность.

— А какая?

— Все кофе любят!

— Ладно.

Эмили вспомнила это, выпив полкружки. Мама, папа и я всегда пили кофе, когда встречались, это наша традиция. Она встала с дивана, взяла сэндвич из упаковки и положила в микроволновку. Эндрю шел по улице и слушал в наушниках гитариста, который пел на испанском. Его ноги двигались в своем автономном темпе, вспоминая сериал о мужчине, который остался с собакой после смерти супруги из-за рака. Кстати, сериал неплохой, и сделал его британец. Сейчас же он вошел в кофейню и увидел нечто необычное: свет включен, еда разложена и шум из зоны отдыха. Туда он и отправился. Когда вошел, он увидел Эмили с кружкой кофе и сэндвичем, который она держала во рту.

— Привет, Эндрю.

— Да?

— Что не так?

— Ты рано, обычно.

— Ты звучишь, как будто жену с любовником застукал, а не коллегу, которая раньше тебя пришла.

— Приятного аппетита.

— Спасибо. И как дела?

— Нормально, но удивлен.

— Я обижусь.

— Ладно-ладно, все. Есть салат?

— Да. Он сел рядом.

— Приятного аппетита.

— Эндрю, ты любишь размышлять.

— Ну, допустим.

— О чем?

— О природе. Я считаю, природа

— удивительная сила. Сидишь на берегу пруда, а волна бьется о берег, вымывая песок.

Так представь себя на месте этого песка и его микроорганизмов. В один миг вся твоя жизнь исчезает. Ветер тоже вроде просто поток воздуха, но торнадо

— огромный поток воздуха в виде воронки. Тебя подбросит и выкинет с высоты на землю, а земля — это разрушения.

— Эндрю, а что насчет обитателей земного шара?

— Все стремится к самоуничтожению. Люди убивают друг друга, животные вымирают, а растения и деревья гибнут. Мир сгорает, чтобы восстать из пепла прошлого творения и прошлых форм жизни.

— Эмили, как считаешь, мир, где нас нет, лучше?— Без Адама был бы еще и змей.

— Все думают, что без людей лучше или хуже. Мы такие же, как динозавры или эму.

— Большой хищник убивает маленького, а его — еще больше.

— В итоге земля опустеет.

— Эх, грустно, но правда. Тут же вошла Кристина, начиная говорить:

— Эндрю, ты что ли еду разложил?

— А, Эмили?

— Да, я раньше вас пришла. Достали!

— Окей, как роб?

— Роб?

— А Эндрю, ты не знаешь.

— Нет.

— Потом расскажу.

— Как дела?

— Нормально, вчера поспала и сериал посмотрела.

— О чем болтали?

— Размышляли.

— Ого, я иногда тоже.

— А о чем?

— Люди часто решают вопросы силой или голосом. Мы не можем поставить себя на место другого человека.

— Ну, это верно.

— Что еще расскажешь?

— Жареный рис приготовила.

— Рецепт!

— Берется зеленый лук, чеснок, яйца, рис, соевый соус, а готовится быстро. Берется лук, нарезается зеленая часть кольцами, а потом зубчики чеснока нарезаем мелко. Дальше берем

яйца, разбиваем в чашку и взбалтываем до пены, добавляя немного черного перца. После подготовки берем сковородку с большими краями или казан. Наливаем подсолнечное масло и распределяем его по всем стенкам. Дальше, когда масло нагрелось, ставим большой огонь и вливаем яйца. Круговыми движениями болтаем и ломаем до мелкой фракции, потом кладем рис (вчерашний подойдет) и перемешиваем. Дальше добавляем чеснок и так же перемешиваем это на среднем огне, а потом вливаем соевый соус вместо соли. Под конец добавляем лук и тушим под крышкой на малом огне.

— Умничка.

— Ладно, теперь скажите про Роба. Эмили пять минут рассказывала, жестикулируя, передавая вчерашнюю историю.

— Грустно, — ответила сухо Кристина.

— Мда, ты имена давать не умеешь.

— Нормальное имя.

— Эндрю, помнишь фильм про уличного рыжего кота и музыканта?

— Ну?

— Коробочный кот по имени Роб. Все трое засмеялись и ждали рабочего времени. Тут Кристина говорит:

— Эмили, помнишь свой первый день?

— Конечно, такой кошмар не забыть. Тогда я шла, страх затаился внутри и хотел выйти наружу вместе с завтраком. Я пришла, и Питер начал мне все объяснять. Я запоминала и сразу же забывала. Честно, я себя тупой чувствовала, и потом он совершил ошибку, сказав: «Если что, задавай вопросы». Когда я спрашивала, я себя чувствовала совсем неловко. Помню, не так положила, так директор до Найры так орала, что вышел Питер и успокоил её. А я стояла, извинялась.

— Ты, я как помню, что-то сломала.

— Да. Я тогда во время обеда облокотилась на стул, и у него ножка сломалась. Питер лишь сказал: «Тебя бы врагу! Так у врага ничего целого не осталось». Я тогда засмеялась. Уходила я разбитой. Большой объем информации разбил меня и превратил голову в котел с кашей.

— А твой день как прошел?

— Это был вечерний день. Я шла, полная уверенности. Питера я не видела никогда и подумала: «Это официант или рабочий». Так тогда прошла мимо него и подошла к кассиру, а она сказала, что он сзади меня. Я обернулась и извинилась. Он засмеялся, и у нас было собеседование. Когда был первый день, меня поставили на кассу, и я пробивала медленно и часто путала заказы. Под конец я долго пробивала кофе и все равно не тот отдала.

— А готовка кофе норм была?

— Ну, там свои камни: то капучинатор, то холдер. В общем, ужасно. Но есть отдельный случай. Я тогда стояла второй раз за кофемашиной, и пришли заказы: американо, эспрессо и вроде как латте. Эспрессо норм приготовлен, латте

— я молоко не взбила, а в американо я не добавила кипятка. В конце я отдала заказ офиснику, а нужно было работнику лапшичной.

— Понятно, теперь почему они к нам больше не ходят.

— Да иди ты, дурак!

— Эндрю, а твой день первый как прошел? — Эмили влезла.

— Не лучше. После собеседования на следующий день я шел и планировал, что будет, но планы разрушились. Я пришел, и сказали помочь разобрать все коробки. Одну уронил, все думал — конец, но сказали, что там стаканы и вообще не парься. Все разобрали, и выхожу, и запоминаюсь о ведро и падаю. Все в мыльной воде, как и я. Эмили и Кристина ржали.

— Я встаю, и мне говорят, чтобы я шел домой. Я уходил довольный и радостный.— В смысле, не лучше?

— Тебя отпустили же ,из кабинета,

— Найра крикнула.

— Работайте!

— Они вышли и смеялись, как в последний раз. Надо было разложить стаканы, вымыть пол, а Кристине приготовить оборудование. Эмили взяла из ящика стаканы и разрежала упаковку, разложив их на столе. Эндрю вымыл пол, не оставляя намека на грязь, и даже не упал. Кристина включила кофемолку, насыпала зерно и включила. Звук дробящихся зерен и рокот мотора. В кофемашину кинули таблетку для чистки, чтобы старые масла от зерен убралось. В этот день солнечно и тихо. До открытия 5 минут, а наши друзья уже готовы всех встречать. Первые люди— те, кто к открытию приходят, обычно либо живут рядом, или опаздывают. Пришли как раз такие. Первая — высокая, еле дышащая, в пальто. Второй был парень в шортах и домашней футболке, о чём говорили пятна и остатки пены на шетине. Женщина заказала раф и сэндвич с рыбой. Кристина готовила, а Эмили собирала заказ в пакет. В конце всё отдал Эндрю. Он пробил и отдал. Заказ мужчины был большим: 5 латте, 4 салата с курицей, 22 сэндвича с ветчиной. Все удивились.

— У вас праздник?

— Нет, гости придут.

— Можете оплачивать. Эмили ушла за полуфабрикатами, ведь тех, что за витриной, не хватит. Кристина готовила и надеялась, что больше таких заказов на латте не будет. Хоть готовит она быстро, но латте-арт делать долго. Тем временем Эмили начала сборку 4 пакетов. Аккуратно берём сэндвич и кладём на дно. Кристина всё сварила, Эмили уложила, а закончил Эндрю, отдав.

— До свидания.Итог: чаевые и маленькая запара.— Ну, всякое лучше, чем День города, — сказал Эндрю.

— А там что было?

— Эмили заинтересовалась.

— Ужас. Тогда я пришёл и не знал, что будет такое. Всё было тихо, людей не было. Я за кассой, ко мне подходили, я отдавал заказ. Людей было не так много, но когда наступил вечер, тут понеслось. Людей больше, чем когда приходят офисники и «лебеди». Они столпились стеной и заказывали. Всё поначалу нормально было, потом недовольство их копилось, и они возмущались, что так долго. Потом крики и так далее. Заработали мы много, но я устал и не хотел вообще приходить. Возвращался я домой уже без души. Пока они говорили, пришёл старик.— Добрый день, что будете?

— Привет, милая, можно что-то крепкое?

— Экспрессо.

— Ну, давай. Кристина подставила стакан, налила кофе за пару секунд и дала ему. Он заплатил и в качестве чаевых запел:

— Листья лозы по ветру кружат в наш тихий сад.— Я её знаю, чайный старик её пел,

— перебил Эндрю.

— Юный солдат идёт домой, храбрый солдат идёт домой.

— Хорошая песня, но грустно за старика и его сына.

— Bravo! Он ушёл, а они продолжили сидеть. Эмили листала новости. Среди них было сообщение об аварии, новых мероприятиях и прочем, но одна новость привлекла её внимание: «Пришли фото вашего котенка, и мы выберем самого милого. Вы получите запас корма и медальку вам и вашему коту. Его покажут в газете, и выставят его фото на сайт благотворительной организации». Эмили показала эту новость Кристине.

— Ну как тебе?

— Хочешь поучаствовать?

— Да не знаю, считаю, там всё куплено.

— Ну, можешь попробовать.

— Было бы неплохо, к тому же Роб милый?

— Это точно.

— Главное, таблетки для похудения не ешь, чтобы в красное платье влезть.

— Окей. Эмили решила снова попробовать себя в конкурсе, ведь в последний раз её обошли. В детстве Эмили пригласили от класса на конкурс по поделкам из крышек. Она два дня собирала все возможные крышки, а потом с отцом их клеила. В итоге получился автомобиль. В день мероприятия она вышла за сцену и показала поделку. Ей поставили 4 балла, а мальчику, который сделал солнышко, — 5 баллов. Родители сказали: «Не расстраивайся, главное, что ты сделала эту поделку не для них, а в первую очередь для себя». В кофейню вошёл мужчина лет сорока, в костюме. Он что-то сильно и настойчиво объяснял по телефону. Нам он уделил несколько времени, лишь бросив:

— Кофе.

— Какой?

— Тупой, что ли? Говорю, кофе.

— Латте, раф, эспрессо?

— Латте.

— Хорошо. Кристина готовила в своём темпе, но когда отдала, он сказал:

— Быстрее не могла, курица! Эндрю и Кристину это взбесило. Он ушёл, а они проклинали. Эмили сказала:

— Что, подделка такая у нас работа? Они дальше сидели в телефонах. Эмили отдалась и наслаждалась каждым вдохом и выдохом, каждым моментом этой жизни, но её оборвал крик:

— Чёрт! Она увидела треснувший кран.

— Выключи воду.

— Всё. Вышла Найра и спросила, что произошло. Эндрю объяснил, а она сказала, вызовет сантехников. Они взяли тряпки и стали убирать воду. Когда всё было закончено, в кофейню вошла скрипачка, что играла недавно.

— Мне эспрессо и шоколадный маффин.

— Хорошо.

— Вашей коллеге нравится скрипка? Эмили посмотрела на неё и Кристину ответив.

— Звук такой красивый, к тому же у меня много любимых групп со скрипачами.

— Тогда не хотите посетить репетицию, если будете свободны?

— Хорошо, приду. Женщина протянула телефон, напечатав телефон и электронную почту. Эмили сфотографировала и обратилась:

— Как к вам обращаться?

— Алиса.

— Эмили.

— Очень приятно. Кристина тем временем приготовила ей кофе, а Эмили отдала пакет Алисе.

— Пока.

— До свидания. Кристина улыбнулась и толкнула плечом Эмили.

— Хорошенькая.

— Чем-то Питера напоминает.

— Чем же?

— Сама не знаю. А что ты о Питере помнишь, Кристина?

— О чем и говорила.

— Ну, я припоминаю. Это было лето, я шла в кофейню. Войдя, я увидела Питера, который строил пирамидки из стаканов. Я спросила: «А это разве позволительно? Вы же директор». Он мне сказал, что иногда шутка или развлечение тоже хорошо в работе, все любят посмеяться, и вообще, если работа без радости и плюсов

— это рабство. Помимо этого, я припоминаю. Я ругалась с прошлым директором, и вышел Питер. Он выслушал директора, который обвинял меня, что я долго обучаюсь и забываю, и меня, когда рассказывала, что я все понимаю. Он усадил нас и начал рассказывать: «Любой ученик — это ребенок, которого надо воспитывать, а учитель — родитель, который ищет подход к ребенку». Она закончила, и Эндрю сказал:

— Я помню, как он уходил на пенсию. Он нас собрал, толкнув речь:

— Вы мои дети, что продолжают это дело. Мне грустно, что я уйду и оставляю вас. Простите.

— Сейчас он живет в своем доме на окраине города.

— Понятно. Прошёл час Эмили позвонила Катя.— Алло?

— Привет, Эмили. Вечером встретимся у тебя в районе?

— Ладно.

— Пока.

— Пока. Прошло несколько часов, и Эмили с Кристиной вышли, пока Эндрю что-то делал в кафе.

— Можешь в лапшичную? Я плачу.

— Давай, только фото распечатаем.

— Ок. Они пошли в фотостудию по вечернему городу, смотря в небо. Войдя, они обратились к продавцу.

— Можно фото с телефона распечатать?

— Да, конечно, дайте сюда телефон с фото. Отдав, прошло 5 минут, и он обращается:

— Не хотите купить фотоальбом? Котёнок в нём хорошо будет смотреться, и могу второе фото бесплатно сделать.

— Хорошо, беру. Он протянул ей красный фотоальбом, похожий на записную книжку. Она вставила туда распечатанное фото.

— Класс, но теперь в лапшичную. Спустя 10 минут они уже сидели и не могли выбрать, что заказать.— Всё такое аппетитное.

— Это точно.

— Кхм, вам помочь?

— А? Перед ними стоял старик в униформе.

— Я хочу предложить наше фирменное блюдо, как раз если стоите на перепутье вкусов.

— Хорошо, несите. Им принесли две тарелки лапши с яйцом и свининой и лавандовый чай.

— Приятного аппетита. Сделав первую дегустацию, они ощутили божественный вкус. Скользящая и мягкая лапша с нежной свининой, а бульон, как воду в жару, хотелось пить. Оставив чаевые, они вышли на улицу.

— Было приятно поесть, но мне пора.

— Пока, Кристин. Сама же Эмили дошла до станции, где и села в вагон. Прошло 30 минут, и вот она вышла, позвонив Кате.

— Алло?— Катя, я иду от станции к себе.

— Хорошо, я у твоего дома. Эмили шла через мостовую и тропинку, и вот Катя стоит. Она подошла и в своей безмолвной манере показала глазами идти за ней. Пришли они к дому под номером 64. Катя позвонила в домофон. Дверь открылась, и они стали подниматься на самый верхний этаж. Катя стучала в люк, ведущий на крышу.

— Дейран, Гриша!

- Кто это?
- Зефирка 355.
- Катя, за камерой пришла.
- Катя, а что происходит? Они прошли на крышу и увидели диван под навесом, холодильник, и всё это было украшено, как лиана, гирляндой.— Эмили, этот парень в пальто
- Дейран, а блондин
- Гриша.
- Вместе мы парни с дома 64.
- Дейран — художник, а Гриша.— фотограф. О них я узнала вчера, когда они у меня в соцсетях рецепты просили. Тут Дейран сказал:
- Ты принесла?
- Да, товар при мне, а ты?
- Тоже.
- Тогда показываем.
- Катя, что происходит? Катя достала книгу рецептов, а Гриша — фотоаппарат.
- Я им книгу рецептов, а тебе фотоаппарат.
- Мне?
- Да, а котика на телефон снимать будешь?
- Сколько я должна?
- Нисколько, я и так им книгу отдавать хотела.
- Вообще я за сегодня устала и хотела бы тишины, поэтому мы пойдём.
- Пока! Если что, вечером мы всегда тут, поможем с техникой.
- Спасибо. Они спустились, и Эмили отправилась к себе в квартиру. Войдя, она сказала:
- Привет, Роб. Роб вышел и обтёрся о ногу, Эмили его погладила.
- Мур-мур.
- Милый Роб. Эмили переделалась, взяла магнит и прикрепила фото Роба к холодильнику.
- Ну всё, теперь кофе. Она сварила кофе, налила в кружку и взяла Роба, сев с ним на полу.
- Роб, хочешь участвовать в конкурсе для котят?— Мур.
- Если да, погладься о палец. Он погладился.
- Тогда пошли. Она включила ноутбук и посадила рядом Роба и его коробку. Открыв сайт и зарегистрировавшись, она сказала:
- Теперь фото. Загрузив лучшее фото, она положила сонного Роба в коробку и вышла, пожелав спокойной ночи. Сидя на кухне, она смотрела в звёздное небо, говоря:
- Любая звезда тусклая по сравнению с той, что лежит в коробке. Посидев так 10-15 минут, она взяла тряпки, швабру, решив вымыть всё.
- Ну что, за уборку?
- Но сначала запись. Она внесла запись в дневник, поставив: День 3. Эмили пошла убираться, а Роб так же крепко спал.

Выступления.

Солнце проходило через окно и падало на стол, где пальцы, словно играя на пианино, нажимали клавиши ноутбука. Сегодня волосы были собраны в пучок, и на них легла тень. Ноутбук работал медленно, долго загружая сайты и ответы. Сбоку от него стояла кружка — полностью чёрная, но с рисунком сердечка из снежинок. К удивлению всех, кто знал любовь Эмили к кофе, сегодня в кружке был горячий какао. Отпив глоток, она искала инструкцию к фотоаппарату, переключила вкладку на видео, и ей пришло уведомление по работе. Найра написала: «Коллеги, из-за ремонта и неожиданных обстоятельств вы уходите в оплачиваемый отпуск до завершения проблем». Тут ей позвонила Кристина, и она взяла трубку. — Эмили, ура, видела?

— Да, я тоже рада.

— Чем будешь заниматься?

— Не знаю.

— Я вот спать, и да, я пойду этим заниматься.

— Спокойной. Она сбросила трубку и включила видео. Парень в кепке и очках объяснял, из чего состоит фотоаппарат и что нужно делать. Она остановила видео и со вздохом сказала:

— Как же непонятно, так сложно говорить, ещё и надо! Она встала из-за стола и потянулась так, что даже прохрустела, потом сделала шаг к кровати, чтобы её заправить. Роб открыл глаза и начал осматриваться, прежде чем выползти из коробки. Закончив, она успела увидеть Роба и то, как он падает с коробки.

— Роб!

— подбежав, она увидела, что он цел и невредим. — Дурак, что так пугаешь! Ладно, пошли есть. На кухне она подошла к шкафчику, взяла корм и миску. Промыв её под краном и насыпав сухого корма, она поставила миску на место. Роб, пошатываясь, унюхал запах и отправился к еде. Закрыв и убрав корм обратно в шкаф, она подошла к холодильнику, открыла его, взяла хлеб и сыр. Хрустящие гранулы

— о, великолепие! Она нарезала сыр на четыре ломтика, а хлеб на два, положила сыр на хлеб и на тарелку. Она отправилась обратно к ноутбуку, села и, приготовившись, тщательно смотрела видеоинструкцию и советы. Спустя час, два бутерброда и одну кружку, она поняла базу, но не поняла, как передать файлы с камеры на ноутбук. Загуглив, она получила много вариантов, но самый простой — взять карту памяти из фотика и вставить в ноутбук. Однако проблемы не закончилось: карты там не оказалось, и её нужно было купить. Она знала, к кому пойти, но это уже ближе к вечеру, а пока надо скоротать день. Роб, объевшись, спал у миски. Она посмотрела в окно: погода была солнечной и в корне отличалась от её угрюмой подруги, которая заглядывала в гости. Отойдя от окна, она написала Юки: «Не занята?» Ответила та быстро, и, обменявшись сообщениями, они договорились встретиться днём у неё и пойти поесть, но Юки в конце добавила: «Сегодня будет сюрприз». Взяв посуду, она отнесла её в раковину, где, помыв, убрала и села за стол. Время — самое ценное золото и самая парадоксальная вещь. Ведь времени не хватает, а когда нечего делать, его много. Она обратила внимание на шкафы и решила их протереть. Взяв тряпку и средство, она достала всё с верхних полок, протерла их внутри и снаружи, потом, убрав всё, то же самое проделала с нижними ящиками и шкафами. Закончив за час, она решила помыть заодно и кофеварку, сняв с неё фильтр, кофейник и отсек под фильтр. Взяв соду и разведя раствор, она замочила детали в нём, потом губкой с содой прошла внутри, а затем снаружи по корпусу. Вынув детали из раствора и протерев, она собрала всё обратно, налила воды и включила. Пока вода смывала остатки кофе, а котёнок спал, наша милая героиня думала, что приготовить на ужин и завтра на обед. В холодильнике были сосиски, а в шкафу — крупы, поэтому будут сосиски с гарниром. Взяв и насыпав

гречку, она промыла её и поставила на большой огонь; после закипания добавила соль и помешивала, пробуя. Спустя пять минут она поставила минимальный огонь и, помешивая, добивалась того, чтобы на вкус она была не солёная, не разваренная, не твёрдая, а как по регламенту — мягкая и вкусная. В конце, добавив масло, она поставила крышку и убрала с конфорки. Кот проснулся и подошёл к хозяйке, обтеревшись о её ногу. Она улыбнулась, погладила его, взяла к себе на ручки, потом положила на пол. Времени было предостаточно, чтобы помыть волосы и сварить кофе. Слив воду, она размолочила зерна, насыпала их, залила воду и включила кофеварку, а сама ушла в ванную. Раздевшись, положила вещи в машинку и запустила её, потом пошла под горячую воду. Когда она вышла из душа и оделась, кофе уже сварился. Ей захотелось чего-нибудь сладкого, и она решила сходить в магазин. Роб заснул, но теперь уже в теплой ванной. Стало теплее, поэтому она надела серые джинсы, белую футболку, кофту и свой дорогой сердцу шарф. Эмили помнила, когда его ей подарили: зима, вечер, она идет домой. Прошел месяц после того, как она получила квартиру от бабушки в другом городе, и решила переехать туда весной или осенью. Придя домой и сняв обувь, она увидела вышедшего отца, который тихо попросил подойти в гостиную на разговор. Там сидела мама, отец сел рядом с ней. Мама сказала, что не хочет, чтобы я уезжала, но понимает меня. Я ответила, что мы это уже обсуждали. Тогда отец сказал: «У нас есть для тебя подарок», — и протянул коробку. Открыв её, она увидела шарф. Отец сказал: «Пусть этот шарф напоминает о доме и о том, кто с нами жил и заполнял твоё детство радостью». Эмили впервые тогда услышала столько слов от немногословного отца. Этот шарф — не кусок ткани, а её дом. Пока она это вспоминала, уже дошла до магазина, где купила шоколадку. На кассе ей предложили купить новинку — конфеты со вкусом кофе, и она решила попробовать. Вернувшись, она сняла обувь, разделась, убрала шоколадку и решила попробовать конфетку, запив кофе. Во рту остался неприятный вкус кофейной гущи; она выплюнула её, промыла рот и заключила:

— Не стоит верить продавцам и их акциям! Она оделась, укутала шарфом шею и вышла на улицу. Спустившись, она попала в потоки людей, идущих по домам, по делам или просто гуляющих. Эти же потоки в тысячный раз не заметят величественные фасады, которые архитекторы, подобно живописцам, вырисовывали на холстах-чертежах как свои творения. В первый раз, когда она проходила мимо всех этих домов, она заметила какое-то великое и необъяснимое чувство, когда видишь, как архитектура граничит с природой и цветами, растущими из подвесных горшков на верхних этажах. Сейчас же она смотрела в окно и думала, как быт других людей отличается от её собственного. До дома Юки оставалось пару шагов, а времени было полно, поэтому она зашла в магазин за жвачкой, чтобы перебить вкус конфеты с кофе. В магазине было пусто и темно, только старик, который ходил по земле не меньше восьмидесяти лет, сидел и улыбался. Она подошла, а старик сказал:

— Жарко становится.

— Да, теперь жалею, что в коффе пошла.

— Что будете?

— Жвачку.

— Хорошо, может, новинку купите? — старик показал мороженое в стаканчике со вкусом лимона. Она хотела отказаться, но голос внутри сказал: «Дай второй шанс».

— А давай-ка сразу два!

— О-о, люблю таких покупателей. Она купила мороженое: одно для неё, второе для Юки. Подойдя к месту встречи, она позвонила Юки, та сказала, что выходит. Прошло около пяти минут, и Эмили не могла понять, кто перед ней. Вместо яркой одежды — белая рубашка, штаны, волосы собраны в хвост, а на спине гитара в чехле. Она молчала и не верила, что это Юки, а не офисный работник.

— Жарко сегодня, Эмили.

— Да, кстати, держи. — Она протянула ей мороженое, та поблагодарила и сказала:

— Пошли в одно место, я угощаю.

— Пошли, но ты сегодня как-то тускло одета.

— А это так надо, потом объясню. Как твои дела? Они шли и болтали о фильмах, жизни, быте, параллельно кушая мороженое. На вкус оно напоминало жвачку, Эмили было вкусно, а Юки свою выкинула, не доев. В Юки изменилось, помимо одежды, и её привычное поведение: она говорила мало и была взволнована. Тогда Эмили спросила, что с ней, та ответила, что всё нормально, добавив:

— Жалко, Катя не с нами, я хотела, чтобы и она это увидела.

— Что увидела?

— Придем — покажу.

— Ладно, как тебе небо?

— Мне нравится, оно безмятежно. Вот смотри: облака плывут, где-то птицы летают, а там небо розово-голубое, но мне нравится вечернее небо. Днем интересные люди, с которыми можно поболтать, а вечером — ты один и твои мысли.

— А разве только одному можно размышлять? С единомышленником тоже же?

— Тут уже индивидуальность.

— Да, ты права. Роб ходил по дому и скучал, когда ждал хозяйку, ведь он обычно спит, чтобы скоротать время разлуки. Прошло 30 минут, и они дошли до белого здания с черепицей и рисунками на стенах. Юки сказала:

— Скоро будет шоу, потом шаурма.

— Мы ради шаурмы так долго шли!

— Не хмурься, шоу удивит, как и шаурма. Пошли! — Ладно. Они вошли в помещение со сценой и стульями. Тогда к ним подбежала женщина и спросила:

— Вы Юкими Таки?

— Да.

— Пошлите тогда, скоро придут.

— А мне что делать?

— Эмили, место займи. Она села на третий ряд посередине. Она думала, что происходит и зачем им нужна гитаристка-рокерша. Ответы ей, по видимости, не достать. Тут вышли люди, подключили свет, оборудование и микрофон, поставив стул. Спустя 15 минут пришли дети, старики, женщины, мужчины, и вышел ведущий.

— Дорогие дамы и господа, сегодня на бесплатном концерте выступает девушка-гитаристка, что исполнит песню и споёт. Спеть? Эмили не верила, ведь Юки только играла на гитаре. И тут выключили свет, оставив тот, который указывал на стул. Ведущий ушёл, а Эмили смотрела, как выходит Юки. Она тяжело дышала и нервно поприветствовалась, её глаза нервно переходили из стороны в сторону. Она сказала, что приготовила песню и сама её написала. Она оглядывала весь зал, а Эмили всё поняла и крикнула:

— Давай, ты сможешь, не бойся! Та кивнула и начала игру, что отличалась от её привычной. Она была спокойная и плавная, не резкая, а размеренная. Ритм тоже был другим, словно песня о любви, жизни и т. д. Она начала петь: Прошли первые лучи, как .И прошли мои дни. Я всё ещё жду тебя, Моя любовь и моя лучезарная звезда. Облака скрыли голубизну ночной луны, а на Луне яХоть осень, хоть весна я. Буду ждать тебя уТёплого костра, а в. Те мрачные дни я. Представлю объятья твои. В мрачные ночи и такие же дни я буду искать в небе голубые глаза твои, наподобие лучезарной звезды. Эмили хлопала, к ней подключились и остальные. Юки ушла за сцену, позвав Эмили. Та прошла, и Юки со слезами обняла, уткнувшись лицом в грудь, сказав:

— Спасибо, выйдем, всё расскажу. Юки со всеми попрощалась, и они вышли. Она сказала:

— Пошли в парк, купим шаурму и поговорим. Эмили думала, что та оттягивает разговор, но они и вправду шли в том направлении. Дойдя и заказав по шаурме, они сели рядом. Юки собралась и сказала:

— Эмили, как тебе шоу?

— Круто, но я не думаю, что ты это хочешь сказать.

— Я начну с того момента, как это началось. Я сидела дома и выкладывала на свою страницу видео, где играю на гитаре. Потом мне пришло сообщение от организатора: они предлагали выступить на мероприятии. Я хотела отказаться, но мне сказали, что я очень помогу и порадую детей и стариков. Я помню, как заставляла своих предков только волноваться, а радовала их редко. В итоге я согласилась. Потом узнала условия: насчет одежды, того, что нужна своя песня и определенный стиль игры. А самое ужасное

— когда сказали, что будет полный зал людей. Я-то думала, просто запишу игру на камеру, а надо было петь.

— Поэтому ты так волновалась?

— Да.

— Я вижу, ты хочешь что-то сказать?

— Да, я хотела, чтобы близкие мне люди, которые у меня остались, увидели, что я не только беспечная и веселая девчонка, а совсем другая. — Ты молодец и всегда ею была.

— Жалко, что Катя на работе.

— Может, ей песню запишем? Спой еще раз.

— Давай! Она начала петь и играть на гитаре, аккорды: Am, E, C, F. Эмили все записала, и Юки сказала:

— Сходи за шаурмой, я гитару уберу.

— Ок. Когда она пришла, Юки спросила:

— Что нового в жизни?

— Роб участвует в конкурсе красоты.

— О, когда финал или объявление победителя?

— Завтра.

— Что-то еще?

— Да, меня пригласили на репетицию к скрипачке.

— Когда пойдешь?

— Не знаю, могу позвонить.

— Давай. Она позвонила, и Алиса ответила:

— Алло?

— Привет, это я, Эмили. Когда можно прийти на репетицию?

— Ой, мне надо бежать. Вечером приходи, буду ждать. Пока!

— Пока.

— Что говорит?

— Вечером сегодня.

— Ну тогда втроем пойдем: я, ты и Роб

. — А он зачем?

— Он же не пленник, пусть мир увидит.

— Окей, тогда до вечера. Они разошлись, и Эмили решила прийти к парням из дома 64. Дорога до них была спокойная, и вот она стоит уже у подъезда, звоня в домофон. Когда дверь открылась, она поднялась и постучала.

— Кто это?

— Эмили. Он открыл, и она прошла. Гриша сказал сухо:

— Давай говори, что тебе, у меня много работы. — Есть карта памяти?

— А, точно, забыл отдать. Он отдал ей карту и объяснил, что, куда и зачем, потом попросил уйти. Она спустилась, и ей навстречу шел Дейран.

— Привет.

— Привет, а что с Гришей?

— Ему работа сложная пришла, лучше его не трогать и не говорить с ним.

— Поняла, ладно, я пошла. Она вышла и спустя 30 минут уже входила в квартиру. Войдя, она встретила Роба и спросила:

— Хочешь погулять? Он обтерся о ее ногу, она этот ответ приняла как «да». Переодевшись, она повесила белье и убрала сухое в шкаф, потом стала собираться на вечер. Она нашла рубашку и сложила в сумку дневник, фотоаппарат, телефон, ключи, кошелек. Все сделав, она выпила кофе и съела шоколадку, потом ей позвонила Юки.

— Алло?

— Эми, встречаемся у остановки, где лапшичная. — Окей, я тогда спать пойду. Роб видел, как хозяйка убрала кружку и прошла в комнату, где и легла. Он расстроился, ведь так ее ждал. Разомкнув глаза, она посмотрела на время и стала вставать. Было темно, она включила свет и оделась. Роб спал, его она положила в переноску. Закрыв дверь, она спустилась вниз и пошла в направлении станции. Путь был скучный, только в поезде она и Роб испытывали странное чувство: все на них смотрели, словно котов не видели. Тогда она поняла людей с собаками, едущих домой. Когда они вышли, их встретила Юки; она выглядела так же, но уже была без гитары и с улыбкой.

— Ну что, пошлите за цветами к Кате, да, Роб?

— Мур.

— Он говорит «да». Они шли по памяти. Роб радовался новым эмоциям и покорно лежал, словно кот Нана в серебристом фургоне Сатору. Хозяйка и какая-то девушка говорили между собой, а улица напоминала ту, в которой меня оставили, потом меня взяли два мальчика и отнесли к станции, где хозяйка взяла меня. Они зашли в цветочный и спросили Катю, ее не оказалось. Купив цветы, они уже шли по адресу. Когда они подошли, их встретила Алиса в черном платье и туфлях. — Алиса, это Юки и мой кот Роб. — Мне очень приятно, пошлите. Они прошли по коридору и зашли в зал, где сели на места: Юки с одного боку, Эмили с другого, а Роб — посередине. Алиса вышла на сцену и, достав скрипку, начала играть. Скрипка лежала в руке, как корабль на воде, а смычок двигался туда-сюда, словно волна. Её рука была подобна крылу ангела, поднимающемуся в воздух, а пальцы скользили по струнам, словно когти вороны, уцепившиеся за карниз. Алиса играла на скрипке, но в этот момент она играла на струнах души Эмили, навевая воспоминания о дне, когда та впервые услышала скрипку по радио, когда играла Двенадцатая симфония Шостаковича. Роб сидел и думал, кто она такая и что за отвратительные звуки она издает. Юки наблюдала за игрой, отдавая дань уважения, ведь скрипка — это долгие годы обучения. Алиса играла час, в конце ей бросили цветы.

— Браво!

— Великолечно!

— Спасибо! У Эмили текли слезы радости, а Роб царапал переноску.

— Хочешь выйти?

— Эмили, можно меня с ним сфоткать?

— Не знаю, Алиса, как он с другими. Роб видел, как хозяйка открыла переноску, взяла его на руки, а потом посадила на стул рядом со странной женщиной. «Спасибо, хоть не издает странные звуки. Ради хозяйки можно и потерпеть»,

— подумал он. Она сфоткала Роба и сказала Алисе:

— Может, сходим поужинать? Вы как?

— Я не против.

— Я тоже.

— Пошлите тогда. Она взяла Роба и посадила в переноску. Выйдя, Юки спросила:

— А долго училась играть?

— Три года.

— Ого, я полтора.

— А на чем?

— На гитаре.

— Я бы послушала и хотела бы сыграть вместе. — У меня видео есть,

— влезла Эмили. Юки хотела остановить её, но не успела.

— Хорошая игра.

— Я не умею петь.

— А это тут при чём? Гитара— твоя рука, значит. Запиши номер мой.

— Окей. Она записала номер, и они болтали всю дорогу. Придя, они заказали рыбу и чай.

Вышел работник и сказал, что нельзя с животными. Эмили возмутилась, ведь знаков не было. Тогда вышел старый повар, сказав.

— Красивый котёнок. Предлагаю сделку: я его фоткаю в шляпке нашего заведения, а вы можете тут с ним есть сегодня.

— Хорошо. Он ушёл и пришёл со шляпкой. Эмили сфоткала Роба в шляпе с поваром. Повар сказал:— Я его в рамку к нам на кухню повешу. Он милый, и раньше тут прикармливали котов и собак. Времена другие стали. Он ушёл, а им принесли рыбу. Юки и Алиса болтали, а Эмили дала кусок Робу и достала дневник, описав вкратце сегодняшний день. Поставила: День 4 и подключилась к разговору этих двоих.

Сон и незаметная детель

Дверь открылась, и она сняла обувь. Сходив с утра до печатного салона и забрав фото, которые она отправила, придя из лапшичной, она вернулась домой. Было очень раннее утро. Роб услышал хозяйку и начал вылезать из коробки. Переодевшись, она протянула руку, достала альбом и вставила фотографии. Люди только уходили на работу, а ей пока туда не надо. Фото-салон, в который она ходила, работал 24/7 и продавал канцтовары. Она прикупила цветной картон, чтобы украсить дневник, но решила поспать, а это оставить на потом. Она легла в постель, закрыв глаза. «А? Небо? Я падаю! Вокруг туман, и я лечу, но я не чувствую ветер или то, что я падаю. Это иллюзия? Небо очень голубовато-темное, но облаков нет, только необъятный океан. Тут так тихо и одиноко. Это рай, Эдем, небесное поле? Или же чистилище? Может, это ад или Хельхейм? Куда я падаю? Тут серьезно так высоко? Может, это временная петля, и я лечу, пролетая в сотый раз? А могу ли я кричать? А-а-а, кажись, нет, и голоса своего не слышно. Тут вообще есть звук? Это и есть смерть во сне? Я умерла? О, что-то летит! Ко мне? Это чайка! Птица пролетела мимо. Стой! Ты куда? Ну вот, я опять одна. Что ж, такова ситуация, кажись. Я буду теперь так жить, в вечном падении? О, снова чайка, да она не одна. Привет! Эй, вы куда? Стойте, я не хочу тут вечно быть одна! Вы так высоко, значит, я падаю, но куда? Мои волосы развеваются, тут ветер, но где его холод? Какое странное пространство. О, я вижу здания внизу, а как приземляться? А-а-а, что делать! Я жива?» Почему вообще в небе был туман, а где я опять? Жилые дома, асфальт, опять туман, и так же тихо. Вряд ли это ад — тут уж больно холодно, и на Хельхейм не похоже, больше походит на город. Улица была пустой, а холод говорил об осени. Теперь она ощущала землю под ногами и шла вперед. Выйдя на улицу, она ничего не видела: лишь густой туман и темно-голубое небо с ним. Сделав шаг вперед, стало ясно: обратный путь не найти и придется блуждать вслепую. «Видимо, я иду вдоль улицы? Так холодно, а на мне домашняя одежда и носки. Эти фасады похожи на те, что из моего родного города. Даже больше — это и есть город, в котором я родилась? Но почему я тут? Как же много вопросов, и куда идти? Ладно, я не умру от холода ради всего, что дорого». Перед глазами показался свет. Что это? Как мотылек, она увидела еле горящую лампочку телефонной будки. Что она здесь делает и как она работает? Внутри должно быть теплее. Войдя, она увидела, что там аккуратно лежали её вещи: пальто, джинсы, ботинки — всё, кроме самого главного. А где мой шарф? Такое ощущение, что это место знакомо. Она оделась, села и стала греть руки. Когда встала, не поверила своим глазам. А где туман? Он развеялся, но надолго ли это? Выйдя, она не чувствовала холода. Город у меня на ладони, но куда теперь идти? Тут так одиноко, пойду вперед. Хоть туман развеялся, но впереди был какой-то знак. Следующий дом — кажись, аптека? Подойдя к витрине и посмотрев внутрь, она сразу всё увидела. Почему, кроме одного препарата, ничего нет? Даже названия нет, просто белая коробка и синие таблетки. Серьёзно? Повернув голову, она заметила, что на неё смотрят глаза — животные глаза. Она повернулась, и животное убежало. Стой! Ты куда? Она побежала: сначала за один угол, потом за другой. Я тебя не обижу, да стой же! Он забежал в переулок. Она, прибежав, увидела кота и сказала: Не оставляй меня одну, мне тут одиноко! Он не слушал, а убежал. Ну вот, я опять одна. Что ж, пора идти дальше. Она шла по старому городу и уткнулась в детскую площадку, где сидел кот, повернувшись спиной, а на его шее был красный шарф. Откуда у тебя мой шарф? Подожди, не уходи! Кот отошел и наблюдал за ней. «Не знаю почему, но эта площадка и ты мне кажетесь знакомыми, но почему?» Она качалась, отдыхая, кот тоже восстанавливал силы. Всё, ты не будешь убегать, хорошо? Я только поглажу, вдруг ты иллюзия? Стой! Кот побежал, она — за ним. Стой, пожалуйста, подожди! Кот забежал в её бывший дом, где теперь родители живут вдвоем. Он не на этой улице? Почему он в другом месте и как он тут оказался? Она прошла внутрь и увидела кота на лестнице. «Стой!» — крикнула она. Кот уже

скрылся, и, пройдя дальше, она стала осматривать комнаты. В комнате родителей его не было. «Ну, ты где? Прости меня! Может, он в моей комнате?» Пройдя туда, она увидела свою кровать и вещи, которых не знала. В мусорном ведре лежала упаковка из-под того самого препарата, что был в аптеке, а на столе — синие таблетки в упаковке. «Я пила таблетки?» Она услышала шум над головой. Чердак! Прибежав, она увидела, что кот уже залезал на крышу. «Стой, там опасно!» Она полезла за ним, но его уже не видела. «Ты где? Покажись, пожалуйста!» Он стоял у края. «Стой там, сколько можно!» Она подбежала и уже хотела схватить кота, а тот молча отошел. «Стой, упадешь!» Она ухватила шарф, но он развязался. «Я снова падаю? Нет!» — А-а-а! — Она открыла глаза. Роб мяукал. Она взяла его и заплакала.

— Я дома, это просто ужасный сон! Роб, я была одна в городе, а потом... — Она рыдала, а Роб мурчал, пытаясь успокоить охваченную страхом хозяйку. Успокоившись, она встала и решила поесть и покормить кота. Как только пальцы приблизились к выключателю, что-то внутри сразу отдернуло руку, не дав нажать. Так, в темноте, она прошла на кухню и насыпала корма Робу. Она хотела сварить кофе, но внутри нее возникла тошнота, и она налила стакан воды. Села у миски, взгляд устремлен в пустоту и в ту часть дома, куда не падал свет от окон. В этой части дома ей виделся не сон, а кошмар, который оставил вопросы и показал ее прошлое и те места, которые ей знакомы, хотя она не может их вспомнить. На улице лил дождь, окна были открыты, а ветер дул в спину. Роб ходил и пытался расшевелить хозяйку, она не плакала, а просто сидела, не реагируя. Это был просто кошмар, холод из окна дул, дом

— это воспоминания, а кот

— это страх за Роба, логично же, да? Кого я спрашиваю и почему сама с собой говорю?

— Надо отвлечься.

— Тошнота отходила, а на ее место пришла мысль о холодном кофе. Она поставила кофе, достала лед из формочки, положила в чашку, добавив молоко, потом туда же добавила кофе и пошла в комнату. Ноутбук включался, а Роб залез в коробку. Когда ноутбук загрузился, она зашла на сайт конкурса и, посмотрев, на каком они месте, повернулась к Робу:

— Мы, Роб, с тобой на 44-м месте, в общем, проиграли. Ну и ладно, не нужна нам эта медаль. — Роб видел, как хозяйка что-то говорит. «Глупая, я же ничего не понимаю. Я тебе сама медаль сделаю». Она взяла коробку из-под обуви и вырезала кружок, потом взяла желтый картон и так же вырезала. Обклеив с двух сторон, она сделала дырку и продела леску. Получилась медаль, которую Роб примерил, а Эмили сфотографировала.

— Красавец! Ну что, пошли чем-нибудь займемся? Она села за ноутбук и искала фильм или сериал. Наконец-то выбрав, взяла стул из кухни, поставила возле кровати, сверху

— ноутбук. Залезла под одеяло и стала смотреть. Роб ходил по дому и теперь грустил, что так мало времени провел на улице. «Хозяйка смотрит в теплую лежанку, пойду посмотрю, что там»

. — Неплохая концепция, надо будет обсудить с Катей.

— Мая.

— О, идем ко мне. Хозяйка теплая и хорошая, поэтому и поспать можно.

— Спи, мой подарок. Прошло несколько часов, дождь и не собирался стихать. Третья серия подходила к концу, и тут — звонок.

— Алло?

— Привет, как поживаешь?

— Привет, мам. Нормально, сижу, сериал смотрю с Робом.

— Рада за вас. А почему ты не на работе, или выходной?

— У меня отпуск случайно получился. Да, кстати, я хотела спросить... Она думала, как правильно спросить про таблетки.

— Мам, я болела чем-то в детстве или когда уезжала?

— Ооо, тоже семейная традиция? Тоже не помнишь? Хотя в школе ты хорошо рассказы запоминала. Если вкратце, то не помню.

— А я таблетки пила?

— Не знаю.

— Ладно, а что у вас нового?

— Отец твой крышу крыльца делает

— ветка упала, пробила. А я кофе пью и фото твои старые нашла, отправила.

— Хорошо, вечером посмотрю. Передавай папе привет.

— Хорошо, передам, но лучше ты к нам приедь как-нибудь.

— Ладно, когда получится.

— Пока, доча.

— Пока. Мама, значит, не помнит? Может, это моя фантазия? Ладно, надо чем-то заняться, чтобы больше об этом кошмаре или сне не думать. Что-то я вспотела, надо бы в душ сходить. Пройдя в ванную, она наконец включила свет и начала набирать воду. Вещи ещё нормальные, в стирку класть не буду. Ванна набралась

— ну, теперь и ножкой проверить можно. Ух, горячая! Ладно, надо прилечь. О-о, как же хорошо! Моя уставшая спина так восстановится, если лежать буду. Как же хорошо лежать в ванной в горячей воде, а не просто принимать быстрый душ! Веки от удовольствия и отдыха закрывались, но спать уже не хотелось. Ещё пять минуточек — и выйду, а то ненароком усну. Выйдя из ванной, она налила остатки кофе в кружку и разогрела ужин. Приятного мне аппетита! Поев, она решила поиграть с Робом, ведь и ей, и ему скучно. Она взяла мышку и помахала перед ним. Роб оживился и наблюдал за ней.

— Лови! Она кинула, Роб пинал мышь, а она кидала в другое место.

— Молодец, охотник! Игра продолжалась некоторое время, пока Роб не устал и не залез в свою коробку, чтобы полежать. Эмили сходила и налила воды в стакан, потом села за стол и выключила ноутбук, а за ним и свет, включив лампу с торшером. Мда, скучно сегодня, пойду дневник украшу, что ли. Она взяла дневник и картон, вырезав линии, приклеила их на поля. Вроде всё, теперь можно написать о сегодняшнем дне. Закончив с фото, она пролистала на чистый лист и взяла карандаш: «Сегодня мой день начался с того, что я рано утром пошла в фотосалон; было холодно, а люди спали». Она остановилась и думала: писать ли о сне? Я хотела больше о нём не думать, писать не буду. Спустя какое-то время она поставила ярлык: «День 5». Она пролистала страницу и задумалась: уже пятый день, скоро опять неделю закрою. Сколько там ещё страниц осталось? Сейчас посмотрим. Листая страницы, она дошла до последней. Итак, ещё на две недели хватит. Она перелистнула страницу и увидела не обложку, а обрывки страницы. Я разве тут писала до этой страницы? Шестнадцать дней, не менее. Она развернула и прочитала: «Я рассказала коллеге», «синие таблетки», «больше об этом не думать», «надо всё забыть». Что это? Синие таблетки? Это значит, не моя фантазия придумала, а что я рассказала коллеге? И кому из них? Она схватила телефон и набрала Эндрю. Прошли два гудка. Ну же, ответь! О!

Алло?

— Эндрю, я тебе раньше рассказывала, что пью таблетки?

— Ты пьешь таблетки?

— Нет! Просто скажи: был разговор или нет?

— Нет, не было. Спроси у Кристины.

— Пока. Она сбросила трубку и набрала Кристине.

— Аллю, Эмили?

— Кристина, извини за вопрос: я принимала таблетки или рассказывала что-то такое, что хотелось забыть? — Черт, ты все же вспомнила.

— Что вспомнила?!

— Эмили, ты сама лично мне говорила, чтобы я молчала и больше не возвращалась к этому — для твоего же блага.

— Уже без разницы, говори!

— Эх, в общем, мы сидели в комнате отдыха, ты молчала, влипая в стену. Я спросила, что с тобой, ты не реагировала. Я еще раз спросила, ты ответила, что все думаешь о своем псе, и сказала: «Единственное, что осталось от него — шарф». Когда я спросила: «Ты как с этим справляешься?», ты ответила, что ходишь к врачу, а в конце добавила: «Я сказала своей подруге и говорю тебе: я не хочу больше об этом думать, просто хочу забыть».

— Спасибо.

— Если что, я не виновата, ты сама просила. Я тогда, когда Эндрю про шарф спрашивал, чуть не убила его.

— Понятно, еще раз спасибо. Пока. Она сбросила трубку и написала Юки. Та ответила: «Ничего не знаю»,

— и Эмили сразу же позвонила Кате, которая ответила:

— Аллю?

— Катя, привет. Я чувствую себя уже параноиком и хотела спросить: я пила таблетки и ходила к врачу?

— Ой, ты все же вспомнила... Эмили, сядь, если стоишь, мне надо поведать тебе правду. Я и Юки тебе ввали, что ты месяц назад была грустной. Мы тогда спросили и поняли, что ты не помнишь. Может, год назад или несколько месяцев назад ты рассказала про Джека и что ходишь к врачу, который дает тебе таблетки — не знаю, для чего. Прошел месяц, как я помню, и ты попросила меня и Юки больше об этом не говорить. Прости нас за то, что тебе ввали и даже просьбу не сдержали!

— Ничего, я понимаю, вы ради меня.

— Прости.

— Катя, мне надо побыть одной сейчас, подумать.

— Хорошо, я позвоню через пару дней. Не ответив, она сбросила трубку и убрала телефон на стол, а сама сползла на пол. «Почему я не помню этого! Почему я так резко пыталась это забыть! К какому врачу я ходила? Что это за таблетки? Мне и родители ввали, чтобы мне плохо не было?» Она взяла телефон и хотела написать. Открыв его, она увидела фото. Подобно картинам Айро, там была деталь, бросающаяся в глаза: тень животного. Пролистав вниз, тень обрела вид из сна, и даже имя появилось у тени. Она вздрогнула от удивления и произнесла:

— Гарольд!

Отчий дом и ответы

Стояла прелестная солнечная погода. Родителей дома не было, поэтому я смотрела телевизор и не думала о том, что испорчу зрение. Сегодня было бы хорошо погулять, но родители сказали, что меня ожидает сюрприз. Я не знала, в чем он заключается — на то он и сюрприз, — но в глубине души надеялась на возможность посидеть перед телевизором чуть дольше. До их прибытия было непонятно, сколько времени пройдет, следовательно, его надо было скоротать, поэтому я пошла к Джеку. Золотистый ретривер лежал возле будки и наблюдал за гусеницей, ползущей перед его носом. Она поднялась по травинке вверх, наплевав на страх перед «желтым чудищем». Джека называли желтым или, иначе говоря, солнечно-золотистым. Причина заключалась в том, что однажды Джек заболел, и его лечили мазями ярко-желтого цвета. Намазавшись, Джек ходил из угла в угол, наматывал два-три круга вокруг дома, а в конце, вымотавшись, с той гениальностью, что вообще присуща собаке, понимал, что лекарство высохло и можно спать, не боясь запачкать ковер в гостиной, чтобы его и ковер не пришлось мыть. Я уже подходила к его будке, и он, заметив меня, тут же, завиляв хвостом, приблизился.

— Привет, как ты? — спросила я, погладив его по голове. Джек, высунув язык, давая себя гладить. В голову пришла идея, поэтому ее тут же надо было воплощать. Я сходила за мячом и вкусняшками. Кинув мяч, я увидела, что Джек не побежал, поэтому повертела перед его носом лакомством и мячом. Кинув последнее, я заставила Джека сорваться с места, но обратно он уже не хотел. Я сама подошла и взяла мяч.

— Надо еще попробовать. Снова помахав вкусняшкой и дав ее Джеку, я кинула мяч. Пес опять сорвался, схватил его и замер.

— Ну, давай ко мне! Пес снова не хотел подходить и отдавать игрушку. Я уже четко и решительно произнесла:

— Я не сдамся! Прошел час. Пес и я устали, результата не было. Мы отдыхали: он — в будке, а я — на крыльце. Я погладила Джека и пошла в дом. Внутри он всегда выглядел уютно. Войдя, я увидела сбоку кухню, в середине — диван, на стене — телевизор, в углу — дверь в ванную. Поднявшись наверх, я увидела две двери: одна в мою комнату, вторая — в родительскую, а в конце коридора, сбоку, была небольшая лестница, ведущая на чердак. Я прошла на кухню, включила радио и стала варить кофе. Засыпав молотый кофе и налив воды, я дождалась, пока он начнет капать. По радио играла безымянная симфония, где, видимо, была и арфа: ее отчетливо было слышно, и она даже выделялась среди других инструментов. К этому времени кофе сварился. Выключив и очистив фильтр, она налила кофе в кружку и поднялась к себе. Открыв дверь комнаты и поставив на стол кружку, легла на кровать и полежала. Потом, встав, взяла кофе, достала книгу с полки и легла обратно, начав чтение. Прошло несколько часов, небо становилось вечерним. Она лежала и слышала шум родительской машины. Отложив книгу и взяв кружку, вышла из комнаты и пошла вниз. Спускаясь по лестнице, она увидела в руках родителей переноску.

— Мама, папа, привет!

— Тсс, клади кружку в раковину и иди к нам. Она кивнула и, быстро вымыв кружку, вернулась к ним.

— А вот и сюрприз. Мама провела рукой, отойдя в сторону: в переноске лежал котенок. Она улыбнулась и с удивлением спросила:

— У нас будет жить кот?

— Да, только имя надо придумать. Дорогая, милая, есть идеи? Она думала. Отец предлагал варианты, мама говорила, что имена неплохие, но можно придумать лучше. Отец сдался и сказал:

— Скоро на нас богиня Гера разгневется из-за наших споров. Она услышала слова отца и придумала.

— Гарольд!

— Неплохо,

— ответила мама, отец лишь одобрительно кивнул.

— Ладно, милая, пошли, поможешь разобрать пакеты.

— Хорошо, мам. Прошло несколько дней, Гарольд привыкал к дому и его обитателям. Она много времени проводила с ним, Джека к нему не подпускали из осторожности. Котенок познавал мир, а семья за этим наблюдала. Прошло несколько месяцев, Гарольд рос и был очень активным, она пошла ему за игрушками. На дворе стояла осень, и у неё был выходной перед учёбой. Люди почти не гуляли, предпочитая сидеть дома, поэтому на улице их было мало. Только она шла по улице бодрой походкой, направляясь в зоомагазин. Там она купила мышку, палочку с верёвкой, к которой была привязана птичка, и корм. На кассе ей сказали, что за покупку полагается участие в бесплатной лотерее. Она сыграла, ей выпал любой предмет на определённую сумму, и, выбрав его, она поспешила домой. Спустя некоторое время она вошла в дом и спросила:

— Где Гарольд?

— На диване, — ответила мама, продолжая мыть посуду. Пройдя в комнату, она погладила кота и взяла подарок.

— Сейчас мы его наденем и посмотрим, как он выглядит. Всё сделав, она позвала маму. Та пришла и сказала:

— Большеват, но ничего, вырастет. На Гарольде был красный шарф, два конца которого свисали вниз. Джек лежал на ковре и, увидев яркую красную штуку, бросился к коту. Она услышала шум и успела поднять кота, воскликнув:

— Джек! Мама взяла Джека за ошейник и отвела на улицу

. — Вот ведь болван! Он цел?

— Да, мам, только испугался. Мы с ним погуляем? — Да, конечно, но только следи за ним внимательно.

— Поняла. Они вышли и пошли за дом.

— Я тебе такое место покажу! — сказала она. Они прошли сквозь кусты и спустились вниз, оказавшись у речки. Затем она села на бревно и произнесла:

— Гарольд, мне тут нравится: так тихо и красиво. Я часто здесь бываю, тебе как? С этого момента прошло два года. Гарольд вырос и стал носить шарф как положено. Она проводила с ним очень много времени: они спали, сидели и ели всегда вместе. Гарольд привязался к ней, а она — к нему; у них был негласный контракт, как у ведьм и волшебников со своими фамильярами. Но в один день всё навсегда изменилось. Это был тёплый летний день, она возвращалась домой после прогулки. Как только она ступила на лужайку, Джек тут же подбежал к ней. Она погладила его золотистую шерсть и вошла в дом. Отца не было на его привычном месте, и она спросила:

— Мама, привет, а где отец?

— Привет, он уехал на работу, там что-то срочное.

— Понятно. Как дела? Чем-нибудь помочь?

— Да, пожалуйста, вымой окна на втором этаже. Она кивнула, сняла обувь и пошла к себе. Переодевшись и надев тапки, она спустилась обратно спросить:

— Мам, а где средства для стёкол? И на чердаке тоже мыть?

— Да, а средство под раковиной.

— Хорошо. Она взяла средство и поднялась на второй этаж. Начала с родительской спальни, вымыв окна снаружи и внутри, потом так же — у себя. Оставался чердак. Пройдя туда, она отодвинула щеколду и поднялась наверх. Чердак был заполнен строительными вещами:

досками, краской и остальным; также через него можно было выйти на крышу с помощью окна. Помыв его, она спустилась и отнесла средства обратно, когда мама подозвала её.

— Ты закрыла окно на чердаке и сам чердак?

— Окно — да, а чердак зачем?

— Отец сказал, есть там одно место, где кот проползет и окажется на крыше. Он хотел его заделать, но, видишь, вызвали. Закрой чердак и посмотри кота. Она кивнула и прошла наверх. Подойдя к чердаку, услышала шум, поднялась и увидела только торчащий шарф.

— Стой!

— Гарольд испугался и быстро залез вглубь. Она открыла окно и аккуратно вылезла на крышу. Кота не было видно, и она полезла на самый верх. Поднявшись, увидела голубя, сидевшего на краю спиной к ней, и Гарольда, который собирался прыгнуть. Она потянулась к нему и успела ухватить за шарф. Шарф развязался, голубь улетел, а Гарольд сорвался с крыши. С момента трагедии прошло три дня: дыра была заделана, Гарольд похоронен. В доме наступил траур. Вся семья сидела вместе: мама была грустной и плакала, отец же не изменился — на вид он был совершенно спокойным и не выглядел опечаленным, словно ничего не случилось. В её голове смешались грусть и злость. Мама начала говорить:

— Дорогой, как ты себя чувствуешь? Она взорвалась:

— Мама, никак он себя не чувствует! Гарольд умер — ни слёз, ни чувства вины. О чем говорить? Он может испытывать хоть что-то?!

— Дочь...

— Нет, мама, пусть он ответит!

— Успокойся и давай всё обсудим.

— Нет, я ухожу. Она выбежала.

— Дорогой, надо её вернуть.

— Сядь и успокойся, я скоро вернусь. Она бежит и не знает куда; в голове — жгучая обида и ярость. На этом неуправляемом потоке она прошла на другую улицу. Идя, она пинала банку от злости. Так проходит час, и, знатно устав, она доходит до детской площадки. Сев на качели, задаётся вопросом: «Как вообще можно так быстро принять смерть? А если я так же? Он тоже быстро примет? Почему он не заделал дыру? Из-за него Гарольд...» Она плакала и говорила:

— Почему я чердак не закрыла? Она качалась, пока не наступил вечер. Стало холодно, а в животе пусто. Встав, она решила пройтись. Блуждая по городу, вдалеке заметила патрульную машину и зашла в переулок. Они проехали мимо, а она пошла дальше и увидела телефонную будку. Зайдя внутрь, она села, закрылась и стала думать: «Что мне делать? Зря, может, я погорячилась. Теперь кому лучше? Мне холодно, страшно, и я хочу есть. Мама переживает, места себе не находит, а папа, может, ищет? Плевать, вернусь домой ради мамы. От того, что я сбежала, лучше не станет никому». Она думала, что делать, ведь пешком — не вариант. Оставался отец, и через силу она позвонила. Он ответил и обеспокоенно спросил о состоянии и о том, где она, попросил адрес. Она назвала ближайшее здание. Он сказал идти прямо по улице до аптеки. Выйдя, она чувствовала вину; она понимала: «Все виноваты, и нельзя перекладывать вину». Придя, она увидела отца. Они сели, и она сказала:

— Прости, что... Отец оборвал её и со слезами сказал:

— Всё хорошо, я не злюсь. И ты прости меня за моё равнодушие.

— Я говорила, папа, — не понимая, произнесла она.

— Понимаю и понимаю, как он был для тебя дорог. Ты дала ему шарф и даже имя. Я могу понять, что ты чувствуешь, и могу сказать, что чувствовал я. Поначалу мне тоже было грустно, но для себя принял, что лучше это принять, а не отдавать себя терзаниям.

— Хорошо, а как мама?

— Обеспокоена, но я знал, где ты.

— Как?

— Я за тобой ехал, но дал тебе побыть одной. Он посмотрел ей в глаза и спросил:

— Не хочешь сходить к врачу? Он поможет пережить это. Хорошо?

— Хорошо, я согласна.

— А теперь поехали к маме, нас ждет ужин. Тогда отец заулыбался, и на его лице отразилась целая палитра эмоций.

— Вот так, Роб, всё и было. Только где похоронен Гарольд, не помню, но ничего, через пару дней всё узнаем. Эмили взяла дневник и написала воспоминание и о настоящем, где она с Робом едут на автобусе. Закончив, поставила ярлык: «День 6». Она убрала дневник и посмотрела на лес за окном, задав вопрос:

— Как там мои друзья и коллеги?

Не похожий ни на один из других дней. Уже в который раз ответа на той линии не было: с последнего ответа прошло две недели, что превратило жизнь Кати в вечное терзание. Она пыталась прийти к ней и обсудить, что произошло, ведь чувствовала такую вину, которая могла улетучиться, увидев её вживую. Она бы заплакала, но сегодня, собравшись, решила узнать у всех об Эмили. Юки лежала и думала, что произошло с Эмили, ведь ни звонки, ни стук в дверь не помогли. Тяжелое чувство вины окутало её, и каждый день ей приходилось думать, где она. Встав, она прошла на кухню заварить чай, но пришла эсэмэска от Кати: «Надо встретиться, срочно, нужна помощь, связана с Эмили». Она ответила: «Хорошо, приду». Отложив телефон, стала собираться на улицу. Выйдя и немного пройдя, села в поезд. Сегодня было облачно и, можно даже сказать, пасмурно — так думала Катя, придя в назначенное место. Юки противилась соглашаться с заявлением подруги, но обе думали одинаково на одну тему.

— Где будем искать? — сказала Юки.

— Я думаю, не искать, а скорее спрашивать.

— Ну так с кого начнем?

— Любимые места?

— Думаешь, она две недели сидела в кебабной? — А какие еще варианты? Потом к ней на работу. — Ладно, пошли. Они шли на станцию. Поезда не было, и обе молчали, не зная, как заполнить тишину. Ведь если бы завязался разговор, он привел бы к Эмили. Поезд прибыл, и они ехали полчаса.

Сойдя на станции, они разделились: Юки — в лапшичную, а Катя — в кебабную, в которую она и вошла. Стоял запах лепешек, курицы и кофе. Мужчина за кассой сидел в телефоне, и она подошла спросить:

— Добрый день, вы не видели девушку в красном шарфе?

— Эмили давно здесь не было.

— Она, может, заказывала?

— Нет, доставки тоже не было.

— Ладно, спасибо. Она вышла, и ей навстречу шла Юки.

— Ну что?

— Ничего. А у тебя?

— Тоже.

— Ладно, пошли на работу к ней. Кристина сидела в комнате отдыха. Перерыв составлял минут 30, ведь кофемашина сломалась. Потом пришел и Эндрю.

— А ты чего?

— Тоже поломка, но касса. Он сел и выглядел грустным. Да и она сама выглядела грустной, думая: «Без Эмили работа стала тяжелее. Она хоть и бывает неаккуратной, но хороший работник, а как человек — добрая, но иногда теряет связь с внешним миром». Эндрю начал разговор, аккуратно спросив о жизни и фильме, потом все же плавно перешел к вопросу: — Как думаешь, что с Эмили?

— Не знаю. Грустно тебе?

— Да, она хороший человек. Приведут вместо нее вторую Найру. Эндрю не понимал Эмили и ее последний вопрос перед тем, как она пропала, но понимал, что что-то произошло, и когда-то это закончится и она вернется — он в это верил. Тут вошел слесарь и сказал, что их ждут две девушки. Они вышли, девушки представились и спросили про Эмили.

— Две недели от нее ни сообщения, ничего.

— Ладно, мы тогда пойдем.

— Стойте! Если узнаете — напишите. Она рассказывала про Джека.

— Хорошо. Юки записала номер, и они ушли. Стоя, Катя думала, что делать, а Юки уже придумала:

— Пошли к Алисе.

— Хорошо, потом к парням из дома 64.

— Окей, тогда в путь.

Алиса бежала по улице, не видя людей, лишь бы успеть. Прибежав к зданию, она вошла, и ее встретил старик.

— Алиса?

— Извините, он тут?.. Она его увидела, и он шел к ней.

— Алиса, тебе точно нормально?

— Почему?

— Ты опаздываешь на работу, а в выходной раньше всех приходишь.

— Выходной?

— Да, иди домой, пожалуйста. Выйдя, она увидела свою новую знакомую и какую-то девушку. Алиса подошла и услышала вопрос:

— Тебе Эмили писала, звонила, видела ее? — Нет, а что произошло?

— Пропала, можно так сказать.

— Я могу помочь?

— Спасибо, теперь пошлите. Теперь они уже втроем шли дальше. Дайран вешал холст, а Гриша занимался работой. За последнее время Гриша стал очень раздражительным. Дайран, когда купил крышу, был живописцем, который рисовал бред. Прошли годы, и ничего не изменилось, а Гриша из заводного парня стал тихим фотографом, делящим квартиру с ним. К ним постучались. Дайран открыл: там были Катя и две девушки.

— Привет, что-то случилось?

— Да, Эмили не видели?

— Нет.

— Ладно, тогда мы дальше искать.

— Стой! — крикнул Гриша и спросил:

— Я помогу. Дайран возразил:

— У тебя же работа.

— Человек важнее, пошли.

— Хорошо. Уже впятером они решили снова сходить к квартире Эмили. Подойдя и поднявшись, они увидели, как старик открывает дверь. Катя побежала к нему:

— Кто вы такой и что вы там делали?

— Не пугайте его!

— крикнула Алиса.

— Я её сосед. Мне пришло от неё письмо. Вы — девушка с голубыми волосами, Катя Шарконова, а вы — Юкими Таки?

— Наоборот, но что она передала?

— Там были ключи, записка для вас и просьба передать их либо Кате, либо Юки с описанием вашей внешности. Второе — выкинуть мусор и еду из холодильника.

— Хорошо, давайте нам ключи, мы сами всё уберем.

— Спасибо. Они открыли записку: «Внутри все ответы». Войдя, они прошли в комнату и увидели, что шкафы открыты, а переноски, коробки сумки нет. Осмотревшись, они поняли, что пропали фотоаппарат, дневник и фотоальбом, а на столе лежал её телефон. Юки открыла ящик и всех позвала. Там лежала записка, они начали читать: «Дорогие друзья, я уехала. Не знаю, насколько, но надеюсь, что Юки и Алиса вместе выступят. У Кати не будет из-за меня терзаний, а если будут — прости. Парни из дома 64, давайте себе отдых, особенно Гриша, вы классные ребята. Дальше передайте моим коллегам. Эндрю и Кристина, держитесь. Найра — динозавр, а Фрэнки, надеюсь, поменял работу и рад ей. Спасибо, что берегли от меня прошлое, но, подобно пейзажам Айро, я заметила одну деталь на фото, которая бросается в глаза, и еду с Робом за ответами. Спасибо за всё и извините, что заставляю переживать. Удачи вам всем». Они заулыбались, а Катя плакала.

— Вот ведь дура, уехала, а я думала — всё. Алиса её взяла и вывела, а Юки сказала:

— Да, дура. Заставила всех переживать, и телефон ещё забыла. Интересно, как там она?

Нога вступила на лужайку: на прежнем месте не было теперь будки. В одной руке коробка, в другой — переноска, на шее — сумка с вещами. Крыльцо, о котором говорила мама, было сделано. Дом за два года не изменился: всё так же два окна у родительской комнаты и та же самая крыша... Город тоже не сильно изменился, да и люди только постарели. Наконец-то она вошла в отчий дом. Мама стояла спиной, и она сказала, как в детстве:

— Мама, я вернулась, привет! Она обернулась и взялась за сердце:

— Когда ты приехала и что случилось?

— Толком ничего, только вопросы.

— Какие?

— Мама, давай сядем и за кофе поговорим, ты только посуду домой. Мама кивнула и спросила: — Не хочешь посмотреть свою старую комнату? Мы её не трогали.

— Хорошо. Она прошла по лестнице вверх, но спустилась в памяти вниз. Теперь в голове была не каша вопросов, а ностальгия. Открыв дверь, она не верила: те же книги, та же кровать и всё те же постеры. Видимо, время не тронуло эту комнату, сохранив память. Спустившись, она увидела, что кофе был готов, и они сели. Мама задала вопрос:

— Почему ты не предупредила?

— Телефон забыла. Мама, где отец?

— Он на заднем дворе.

— Можешь позвать?

— Хорошо. Мама ушла, а Эмили взяла Роба и приготовилась. Папа пришел, он выглядел так же и совсем не изменился. Она начала свою речь:

— Мама, папа, я вспомнила смерть Гарольда, но у меня остались вопросы. Родители кивнули.

— Какие таблетки я пила? Где могила Джека и Гарольда? Отец встал и взял из ящика синие таблетки:

— Теперь послушай.

— Хорошо.

— После случая, когда я тебя подобрал, прошла неделя. Мы пошли к врачу, у тебя оказалась болезнь, связанная с психикой, тебе выписали успокоительное, вроде. Потом шло время, ты старалась справиться, но после смерти Джека тебе было ужасно. Ты часто сидела у его могилы на заднем дворе, а через время ты больше не грустила, и мы отправили тебя к врачу на обследование. Он сказал, что твой мозг и ты сама решили забыть Гарольда, заменив его Джеком.

— То есть не из-за таблеток я забывала?

— Сама посмотри. Она взяла, прочла и удивилась. Это было просто успокоительное без побочных эффектов.

- То есть я сама решила забыть Джека, врача, похороны?
- Получается так. Мы тебе об этом не говорили ради твоего психического здоровья.
- Понимаю. И прости, пап, за те слова.
- Ты тогда ребенком была. Кстати, может, на могилу Гарольда сходишь?
- Где она?

Вмешалась мама.—В твоём любимом месте из детства. Она всё поняла и, взяв дневник и переноску с Робом, вышла. Пройдя за дом и миновав могилу Джека, она пробралась через кусты, а потом спустилась вниз. У этой речки до сих пор было тихо, и там стояла выложенная камнями могила. Сев, она сказала Гарольду:

— Я не спасла тебя, но я спасла его, и теперь, думаю, мне легче. Она взяла дневник и начала писать: «Я не буду бежать от правды и лгать себе, я буду принимать её, какой бы она ни была». Закончила она ярлыком: «День 7, или мой последний день». Она и Роб сидели у речки, смотря на рассвет.

Спустя время

Прошло два года. В моей с Робом жизни не произошло практически ничего, но сначала расскажу о моих друзьях. Начну с самого милого. Гриша стал проявлять внимание к Кате. Я удивилась, когда три месяца назад он пришел и намеками узнавал о ней. Катя же только радовалась и говорила о дальнейших планах на будущее: как они вдвоем спят в обнимку и он прижимает ее к себе. Я за них рада и считаю, что они друг другу подходят. Катя заботливая и тихая, а Гриша — серьезный и надежный человек. Юки теперь ходит на уроки вокала и ведет совместно с Алисой блог в соцсетях. Они играют на инструментах, а параллельно Юки поет. Скоро она поедет на музыкальный фестиваль, где будет выступать Фрости. Теперь о грустном: кафе закрыли, и все ушли в разные места. Эндрю теперь работает в небольшом книжном магазине и скупает карточки, собирая большую коллекцию. Кристина уехала, и больше о ней мне ничего не известно. Теперь о художниках, которых я познакомила друг с другом: Дейран и Айро теперь друзья, часто болтают о живописи и вместе рисуют на крыше дома 64. Теперь самое удивительное, как по мне, — это Фрэнки. Он продал квартиру, уволился и переехал к морю. Теперь он работает на рыбацком судне; платят мало, но ощущений и эмоций — целое море. Теперь я перейду к себе. Я работаю в небольшой редакции, наладила отношения с отцом и закончила фотоальбом, наполнив его фотографиями Роба: дома, на природе, и даже засняла, как он поймал птичку. Роб уже взрослый кот, так же спит в коробке, но уже размером побольше. Дневник заканчивается, и мне не хочется уже вести записи; к тому же, хоть прошлое и было отпущено, этот дневник оставляет осадок. Напоследок я выскажу свои мысли. Я хочу поехать на море отдохнуть, думаю, у нас с Робом много незаконченных дел впереди, и, самое главное, хочу печенье с шоколадной крошкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.